Цена номера 10 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МОЛОТ

литературно-художественный журнал тул. а.п.п.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР. ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ:

КОСАЯ ВЕРШИНА — из повести — В. Старцев.
СТАЛЬНАЯ КАВАЛЕРИЯ — из повести — Я. Лукьяненко.
НАПЕРЕКОР — рассказ — М. Селезнев.

СТИХИ:

СТИХИ — С. Володин и И. Костин.
ПРОШУ СЛОВА — А. Ватажин.

ОЧЕРКИ:

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ЦЕХ — Костев.
ОГНИ НА ЗЕМЛЕ — И. Васильченкова.
ТУЛА В ДВИЖЕНИИ — В. Серегин.

СТАТЬИ:

XVI ПАРТС'ЕЗДУ.
О КРЕСТЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ — А. Лукьяненко.
О ЧЕМ СПОР — В. Ермилов.
ВЫСТУПЛЕНИЕ КИРШОНА НА XVI ПАРТС'ЕЗДЕ.

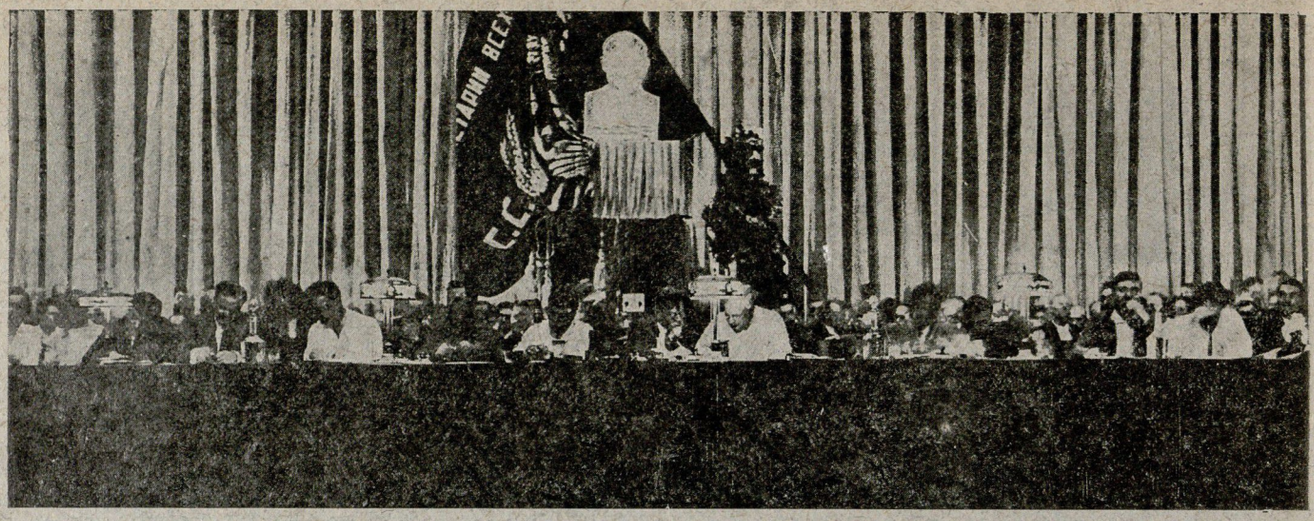
ОТДЕЛ КРИТИКИ:

О С. ВОЛОДИНЕ.
О М. КОЛЬЧУГИНЕ.
О ЖУРНАЛЕ «МОЛОТ».
МАЯКОВСКИЙ — САТИРИК.
КНИГА, КОТОРУЮ НАДО ЗНАТЬ.

ХРОНИКА.

Июнь — Июль 1930 года. № 6-7

05
М791

Президиум XVI с'езда ВКП(б).

XVI с'езду ВКП (б).

„XVI с'езд есть с'езд развернутого наступления социализма по всему фронту"
(Сталин—политотчет XVI с'езду).

Мы строим социализм.

„Мы идем вперед ускоренным темпом, догоняя в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны". (СТАЛИН).

Мы строим социализм во враждебном окружении капиталистов, под постоянной угрозой войны.

Мы строим социализм в одной—единственной в мире—стране, совершенно не имея опыта в этом строительстве.

Ориентиром в социалистической стройке является генеральная линия большевистской партии. Эту линию начертил главный инженер Стройсоциализма тов. Ленин, оставив партии заветы и мысли—комментарии к проекту социалистического строительства.

Партия под умелым руководством тов. Сталина, лучшего ученика Ленина, твердо держится этой линии, не допуская даже малейших искривлений генеральной линии.

Рабочий класс, миллионы колхозников, бедняцко-батрацкая и середняцкая масса крестьянства, во главе с рабочим классом, вооружившись новыми, социалистическими методами работы—соцсоревнованием и ударничеством, обеспечивающими небывалые темпы развития нашего хозяйства, под руководством коммунистической партии, решительно переделывают нашу страну.

Земледельческая Россия превращается в металлический СССР.

Растут социалистические показатели великой стройки: в шеренгу бойцов за социализм становятся гиганты металлургии, машиностроительные и химические заводы, электростанции, первенцы социалистического земледелия—зерновые и мясные фабрики: совхозы и колхозы.

На конкретной творческой работе по реконструкции народного хозяйства растут и воспитываются новые люди: ударники-энтузиасты, сознательные строители социалистического общества.

„Капиталистические элементы в крупной промышленности уже пошли ко дну".

„Процесс ликвидации кулачества, как класса, идет у нас вперед на всех парах".

„Вопрос „кто кого"... решен окончательно и бесповоротно". — (СТАЛИН).

Лишь нытики и маловеры не хотят видеть огромных сдвигов в социалистическом строительстве. Один за другим они отстают от локомотива неслыханных темпов нашего роста и скатываются под откос, в болото правого оппортунизма.

„Мы идем на всех парах по пути индустриализации—к социализму, оставляя позади нату вековую „рассейскую" отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации". (СТАЛИН)

В колонне передовых бойцов за торжество социализма идет отряд пролетарских писателей.

Показывая успехи и трудности строительства социализма в нашей стране, организуя сознание трудящихся в сторону достижения конечных целей пролетариата, этот отряд культурной революции ведет непримиримую борьбу с проявлениями правого оппортунизма отдельных писателей, являющихся рупором кулацкой идеологии и пытающихся использовать литературу, как трибуну для контрреволюционных выступлений.

Звеном в отряде агитаторов и пропагандистов строящегося социализма, вооруженных ленинизмом и художественным словом бойцов, является тульская ассоциация пролетарских писателей.

Политически выросши и закалившись, наша ассоциация воспитала в своей массе ряд товарищей, творчески окрепших, умело отточивших свое оружие—пролетарское творчество.

ТАПП решительно повернулась к задачам строительства социализма, к борьбе за выполнение промфинплана, за развертывание колхозного строительства, за осуществление пятилетки в четыре года.

ТАПП пустила молодую поросль в литкружках на заводах, шахтах, в школах и красноармейских казармах.

Но мы имеем еще много недостатков в своей работе. Мы не успеваем угнаться за темпами социалистического строительства. Мы еще очень слабо связаны с рабочим массивом заводов и колхозниками. Мы очень медленно воспитываем ростки новых кадров пролетарских писателей и поэтов. Мы мало работаем над собой, над повышением своего политического и творческого уровня.

Размах социалистического наступления требует быстрейшего устранения недочетов в нашей работе.

XVI с'езд ВКП (б) поставил перед рабочим классом и всеми трудящимися новые задачи, выполнение которых мы должны обеспечить.

Отряд пролетарской литературы попрежнему будет решительно вести борьбу на идеологическом фронте с проявлениями правого оппортунизма, просачиванием в литературу кулацких, контрреволюционных идей.

Пролетарская литература будет развиваться и служить „организации развернутого наступления социализма по всему фронту" под руководством коммунистической ленинской партии, под ее большевистскими лозунгами и знаменами.

АЗЕРБАЙДЖ. ЦЕНТР.
ГОСУД. БИБЛИОТЕКА

О крестьянской литературе.

(К вопросу создания тульского отделения МОКП'а).

Излишне много распространяться о громадном значении крестьянской литературы в реконструктивный период сельского хозяйства и особенно в период ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации. Сейчас происходит ожесточенная классовая борьба между кулацким производством и крупным производством бедняцко-середняцких масс, об'единенных в колхозы за окончательное выкорчевывание не только корней капитализма, но и экономической основы, порождающей этот капитализм.

Эта борьба отражается и в литературе. Например, поэт Сергей Клычков в своей седьмой книге стихов «В гостях у журавлей» пишет:

Хорошо, когда у крова
Сад цветет в полдесятины...
Хорошо иметь корову,
Добрую жену и сына.

Или:

Вдосталь—силы, в меру жира,
В жилах—тихое тепло...

Тут комментарии излишни: кулацкие мечты выражены ясно. За «скоромными» желаниями поэта встает кулацкое лицо. И, ясное дело, если такая литература будет итти в колхоз, для деревни, то, кроме вреда, в нынешних условиях ожесточенной классовой борьбы она ничего не принесет.

Мы должны дать деревне другую литературу, литературу с идеологией колхозников, мечтающих не о саде с полдесятины, а об артельной, дружной работе колхоза, о построении такой жизни в нем, где бы было не одному хорошо за счет других, а всем.

Теперь на селе все меньше и меньше остается мечтающих о «саде в полдесятины», о кулацком хозяйстве. Капитализм разрушается, он замещается новой формой производственных отношений людей—коммуной, артелью, товариществом. Вот почему отныне деревня делится на две части: на крестьян-колхозников и крестьян-неколхозников, но которые станут колхозниками.

И поэтому теперь по-новому встает вопрос и о роли крестьянской литературы. Если резолюция ЦК ВКП(б) 25 года о задачах художественной литературы ставила вопрос о сохранении специфики крестьянского писателя, то теперь, кроме того, стоит задача создать такую крестьянскую литературу, которая бы могла «заразить» своими образами крестьян, еще не вошедших в колхозы, пафосом социалистической переделки деревни на основе ее коллективизации, тракторизации, показать в художественной форме образцы артельной работы, дружной организованной борьбы с кулаком, невежеством, нищетой и отсталостью.

Но чтобы создать такую литературу (нет необходимости доказывать актуальность этой задачи), необходимо собрать имеющиеся уже кадры, но, главным образом, воспитать новые кадры писателей из активных участников совхозной и колхозной стройки. В этом отношении кадры колхозкоров, совхозкоров и селькоров представляют ту базу, на которой и из которой выдвинутся новые писатели новой социалистической деревни. Надо только создать организационные формы и органы, которые бы вплотную взялись за эту работу.

По этим же причинам приходится поднять вопрос о создании в Туле общества крестьянских писателей. Эта организация оправдала себя. Во многих округах имеются окружные отделения крестьянских писателей, которые входят в областные, а те во Всероссийское общество крестьянских писателей ВОКП, которым издается журнал «Земля Советская» и ряд альманахов и массовых литературно-художественных журналов. Оно имеет в своих рядах таких выявившихся писателей, как Панферов, Замойский, Ив. Макаров и др.

Недавно закончилась первая московская областная конференция крестьянских писателей, которая наметила пути развития и задачи крестьянской литературы. Задача товарищей, состоящих в ТАПП'е, но пишущих на крестьянские темы и связанных больше с деревней, состоит в том, чтобы взять на себя этот огромный воз подымающейся новой колхозно-крестьянской литературы и облегчить появление нового писателя социалистической деревни.

Совершенно неправильно было бы ставить вопрос о том, что крестьянская литература—литература мелкобуржуазная, и на этом основании делать заключение о непригодности крестьянской литературы; неправильно ставить вопрос о социальной обреченности творчества крестьянского писателя: де-мол, все равно ты, мелкий буржуа, индивидуалист и будешь отражать реакционные мысли, верования и т. д. В основе этой «теории» лежит вульгарно-материалистическое, механическое понимание зависимости сознания от бытия. Ясное дело, что эта «теория» ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеет, ибо живая жизнь состоит из бесконечных связей, переходов, часто незаметных, переходящих один в другой и т. д.

Конечно, если крестьянский писатель сознательно перешел на ту точку зрения, которую проводит пролетариат, а крестьянин-середняк двусторонен, то это означает, что крестьянин-труженик преодолел крестьянина-собственника, хозяина. Это значит, что он перерождается (конечно, не сразу) в пролетария. И, конечно, по своему мироощущению крестьянин, активно работающий, организующий колхоз, ближе к пролетарию, чем к крестьянину, оставшемуся вне колхоза и активно ему сопротивляющемуся. И тем более, если писатель-крестьянин овладеет диалектическим материализмом, станет активным участником переделки деревни,—ясно: это—писатель крестьянский, с пролетарским мироощущением и миропониманием.

Вот почему теория Полонского о фатальной обреченности крестьянского писателя глубоко враждебна марксизму-ленинизму.

Люди, думающие как Полонский, не видят за формой, внешней оболочкой, явления внутренней сущности, и в этом их «роковая» ошибка. Вот почему абсолютно неправильно понятие: «Раз ты крестьянский писатель, значит—мелкобуржуазный; раз крестьянская литература—значит это мелкобуржуазная, а, следовательно, вредная литература». Это есть недооценка крестьянских масс, строящих под руководством пролетариата социализм—это оппортунизм, «левизм», правизм—все, что угодно, только не ленинизм.

Крестьянская литература есть литература многомиллионных бедняцко-середняцких масс деревни, перешедших и все продолжающих переходить полностью до конца на позиции социализма. Она призвана ускорить и облегчить рождение новой коллективно-индустриальной социалистической деревни.

Несомненно, что основной сейчас перед нами стоит задача собирания сил, подготовки кадров писателей. Более чем вероятно, что в совхозах, колхозах есть не мало товарищей, пробующих свои творческие художественные возможности, возможности своего селькоровского пера, но зачастую ненаходящих поддержки и бросающих свои попытки. Задачи организующегося общества крестьянских писателей состоят в том, чтобы облегчить этим товарищам переход к художественно-творческой работе как в отношении овладения техникой писания, так и в отношении овладения теоретической учебой по изучению марксизма-ленинизма.

Преобразующаяся на коллективных основах деревня с ее меняющимся хозяйственно-культурным лицом в условиях ожесточенной классовой борьбы выдвигает в центр внимания как начинающего, так и сложившегося крестьянского писателя задачу показать с точки зрения диалектического материализма происходящую борьбу старого с новым путем органического, несхематического показа того, что есть, что было и что должно быть.

Кроме того, необходимо развертывание тем социального, индустриально-производственного романа, драмы, очерков, записок, новелл и т. д Углубленный синтетический показ нашей современной деревни, создание новых литературных типов строителей, и постановка новых проблем—вот что должно быть в центре творчества крестьянской художественной литературы.

Крестьянский писатель должен осознать и изучить непосредственно весь многосторонний, чрезвычайно сложный процесс социалистического преобразования деревни в условиях ожесточенной классовой борьбы. И единственно надежным методом познания этой действительности является метод диалектического материализма, овладеть которым крестьянский писатель обязан во что бы то ни стало. Иначе он рискует быть обезоруженным.

Совхозкоры, колкоры, селькоры должны об'единиться в творческие кружки при стенгазетах, избах-читальнях, клубах и установить в ближайшее время связь с тульской инициативной группой ОКП с таким расчетом, чтобы осенью созвать первую окружную конференцию крестьянских писателей и наметить пути своей творческой работы в соответствии с путями полного построения социализма в нашей стране и полной победы трудящихся масс над капитализмом.

Я. Лукьяненко.

◆◆◆◆◆◆◆

Косая вершина

Из повести В. Старцева.

ЛИДА удивилась, когда узнала об участии Герасима в последней попойке в лесу, и задумалась над этим. Она вспомнила вечеринки узкого круга, на которых участвовала сама. Лида—да и все такие, как она,—шла на эти вечеринки тогда, когда в каждом дне видела все одно и то же: одну и ту же тягостную обязанность. Об устройстве этих вечеринок и решалось-то как-то не думая, а просто под влиянием друг друга, из-за непонятного ухарства, а то и просто любопытства ощутить что-то «новое», еще неиспытанное, точно боясь упустить его.

Лида впервые и серьезно над всем этим задумалась только после исключения из университета за моральное разложение нескольких студентов. Среди них были две ее подруги; одна, белокурая беспечная Маруся, после этого бросилась под поезд. Лида страшно испугалась, что и ее могут исключить.

Тогда в университете был проведен диспут о свободе любви. Докладчик, казалось ей, нисколько не убедительно говорил, повторяя старые истины о классовом порабощении, связывая его с порабощением женщин; говорил о трудно изживаемом наследии старого общества—разврате:—«Мы еще не построили новых форм новой семьи».—Он также долго и скучно говорил о задачах создания здорового общества..

—В переходный период многих лишений и затруднений мы должны обуздывать бушующие половые страсти... —слышались слова докладчика

«Не доклад, а какая-то проповедь»,—подумала Лида.

Лида прислушалась, когда докладчику стал возражать Сергей. Он сразу обвинил его, что тот в социологию впутал физиологию.

—Мы знаем, что половой инстинкт,—начал резко Сергей —и направлен к тому, чтобы воссоздать здорового, энергичного, умного, красивого, вообще лучшего качества человека. А как можно ограничивать это естественное половое влечение людей, в котором проходит самый естественный подбор воспроизводителей тоже лучшего качества, хотя бы сознательно они сходились только для удовлетворения половой потребности?.. Если бы в половой жизни отбрасывалось все нездоровое, уродливое и убогое, поверьте: человечество было бы здоровым!

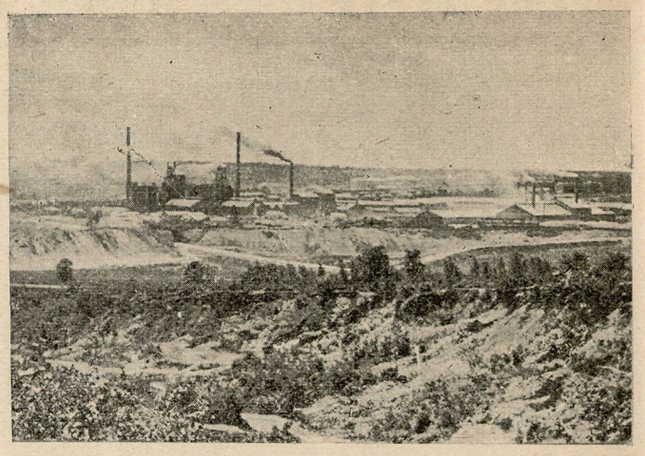
Лида, с восхищением слушавшая Сергея, думала: вот она извечная истина, похороненная социальным неравенством и воскресающая теперь, которую она через слои старых традиций о стыдливости, какой-то супружеской верности только чувствовала, но не осознавала.

Когда кончил Сергей, она ждала одобрительный поток аплодисментов и спешила освободить от книг руки, чтобы тоже похлопать ему. Но мгновенье тишины прорвал резкий и крикливый голос худосочной Сони, всегда суетящейся девушки:

—Товарищи!—энергично затрясла в воздухе рукой Соня, розовея все увеличивающимися нездоровыми пятнами на щеках.—Рожков своим выступлением пытается оправдать разврат... Это не наши, не марксистские убеждения, товарищи! Мы пока что знаем, что распущенность несет с собою многие социальные болезни.. За здоровое общество мы великолепно знаем, как бороться... Изживем социальное неравенство—будет обеспечено и создание здорового общества... И кретины выродятся... А забегать вперед нам сейчас незачем... Да и тогда, при социализме, главнейшую роль будет играть творчество человеческой мысли... Творческие, а не бытовые взаимоотношения.. По-моему всякий хаос, в том числе и половая безудержность, будут заглушены рвением человечества к новым и новым достижениям! Я все сказала.

Она быстрым движеним рук одернула юбку и так же быстро, точно подброшенная кем, села на стул, склонив голову на бок и прислушиваясь к аплодисментам.

Фото-иллюстрация Розенберга.

Вновь задула доменная печь на заводе им. Дзержинского после капитального ремонта.

Из рядов, точно вышвырнутый, выскочил Лесков. Вскинув ладонью к аудитории руку, призывая этим к тишине, он начал своим делано-риторическим голосом, не вяжущимся с содержанием его речи. Его особенностью было поскорее сказать что-нибудь новое, но всегда кончал тем, что почти ничего не мог сказать.

--Вдумайтесь, товарищи, в речь товарища Рожкова,—начал он звонким голосом, точно на музыкальном инструменте выводил слова, особенно слово «товарищи».—Товарищ Рожков, товарищи, говорит о качественном подборе людей. А вы знаете, товарищи, и тебе это небезызвестно, товарищ Рожков, что качества-то у людей, перечисленные тобой, дорогой товарищ, очень и очень различны... Положим, если есть у человека одно хорошее качество, то отсутствует другое...

—Товарищи, да ведь это-то и подтверждает теорию Рожкова,—вскочила с места Лида, кивком головы закидывая назад свои черные, спускавшиеся на прямой лоб волосы.—Ведь только обнаруженные новые лучшие качества человека влекут к себе. И, наоборот—худшие качества заставляют забыть, ну, разлюбить что ли, человека... Ведь это же естественно,—улыбнулась Лида, как бы доказывая этим всю простоту разрешения вопроса. Она оглядела зал, смутилась и села.

Ей вдруг вспомнилась раздавленная поездом всего три дня назад ее подруга Маруся, девушка с удивительно простыми ласкающимися глазами. Маруся быстро влюблялась в каждого здорового красивого мужчину. Лиде она часто рассказывала подробности своих оргий в обществе мужчин

—И нестыдно тебе, Маруся?.. Ведь это же, про что ты рассказываешь, отвратительная пошлость,—говорила подруге Лида.

—Лидка, да ведь это все так естественно... с одним ли мужчиной ты делаешь это, или с несколькими... А ты хочешь, Лидка, я тебя познакомлю с одним хорошим парнем? -- вдруг спросила Маруся.—Хочешь?

Лида, смеясь, согласилась.

В ее памяти до мельчайшей подробности вырисовывались картины, как вчетвером,—две девушки и двое мужчин,—они гуляли в номере гостиницы. Стесняясь, Лида выпила рюмку виноградного вина. Но спустя несколько минут, хохоча от неестественного веселья, стала пить и горькую. Потом, точно во сне, прижавшись в углу огромнейшего дивана, она видела, как ее подруга начала сдергивать с себя все платье. Сидевший с ней рядом парень сбросил с нее рубашку, сдернул чулки...Маруся, нагая, под шлепанье в ладоши парней, танцевала среди комнаты, подражая в движениях балеринам. Лида видела, как ее парень ненасытно хватал глазами красивые формы тела девушки. У Лиды тогда даже явилась ревность к подруге и она притянула парня к себе...

Рано утром, стыдясь, поправляла на себе платье Лида. Потом, не дождавшись подруги, с стесненной улыбкой на горевших губах, попрощалась со своим случайным любовником.

Лида отогнала эти воспоминания.

Кончился диспут. К ней подошел Сергей и они вместе пошли из университета. Дорогой они более развязно говорили о свободной любви.

Лида с того времени стала все чаще искать встреч с Сергеем. Сошлись они без обычного об'яснения в любви (любовь Сергей называл пережитком прошлого). Он только пред'явил условия полнейшей свободы друг для друга.

VII.

Вспомнив все это, Лида задумалась серьезнее. Винить или нет Герасима, что и он подпал под влияние других, которые и сами не знают, под чьим влиянием находятся? Ведь и Сергей скатился потому, что тоже подпал под чье-то влияние. А она? Разве она была хоть сколько-нибудь под влиянием голубоглазой Маруси, этой жертвы, раздавленной еще до поезда и более тяжелым, чем поезд?

Лида не нашла на это ответа.

Решив пойти к Герасиму, она стала обдумывать, что будет говорить ему по поводу дошедших до нее слухов о попойке в лесу.

Лида в это время вертела в руках только что полученное ею письмо и обратила внимание на почти забытый почерк на конверте. Она мигом вскрыла письмо и прочла:

«Лидия Васильевна»!

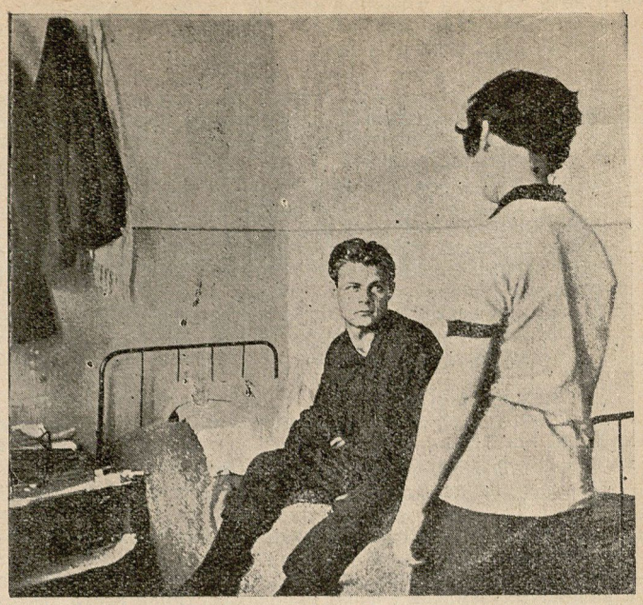
Десять лет разлуки сильно стесняют меня писать вам обо всем, что я думаю и что я чувствую И я, не зная, как вы отнесетесь к моему посланию, боюсь, что напишу не то, что надо бы написать. Вы сейчас уже не та черноглазая девочка, с которой я встречался в старинном доме над прудом в парке. Я узнал о вас у вашего вотчима. Он, видите, теперь вполне «советский» человек (не обижайтесь, ради бога); а всех, кто расстался с родиной прежде, чем этой родины не стало, называет «бывшими». «Свои» у него сейчас рабочие, т. е. новые «хозяева жизни», которым он служит. Они серьезно считают себя людьми будущего. Хоть вы там и среди «них», но я не верю, чтобы вы стали такой, как они Когда я узнал о вас—поднялось хранимое где-то в глубине души наше общее прошлое. Я вспомнил черноглазую девочку с лукавой улыбкой... Скамейку под старыми тополями у пруда... Мы разъехались учиться. Потом катастрофа за катастрофой стали раздирать Россию, пока не разрушили совсем. Где я был в этой предсмертной агонии России—тебе должно быть известно. Потом я стал продолжать прерванное образование в «советских условиях»... И вот сейчас—инженер, по-советски—спец, и должен строить... социализм! Вот ведь какую «почетную» задачу возлагает на нас история!..

Гнусно и тяжело, Лидия Васильевна, прикидываться «честным спецом», как они нас называют. Но честь я еще не потерял!.. Я хочу знать, Лида, что с вами? Я не верю, чтобы вы стали другой, чем та черноглазая девушка из старинного дома в старом парке. Не допускаю, чтобы вы и внешне изменились. Пусть у вас стриженые волосы, но я попрежнему вас вижу с длинными косами на груди .. Жду,—и надеюсь получу,—ответ от прежней Лиды.

Николай К.»

Лида рассеянно стала смотреть в окно.

Герасим пристально уставил на Звереву взгляд...

Лида безразлично посмотрела на исписанные растянутым почерком страницы письма, опустила руки и рассеянно стала смотреть в окно...

Читая письмо, она переживала то, что казалось давно в ней умершим: жизнь совсем иной Лиды,—девочки в розовой комнатке с окнами в сиреневые заросли над прудом. Оказалось, прежняя Лида еще жива: она сначала робко выглянула откуда-то из внутри вузовки Лиды, потом постепенно заполнила ее всю... Лида в это время почувствовала себя маленькой и беспомощной. Рядом с ней стоял Николай Козлинский, с почти неподвижным, точно нарисованным лицом. Эга-то его черта и создала тогда у Лиды мнение о нем, как о сильном, энергичном и умном человеке. Она его любила...

Лида встряхнулась. Она себя снова почувствовала взрослой. Лида хотела представить себе, каким сейчас стал Николай, судя по его письму. Но как не старалась пробудить память о нем,—видела только это характерное плоское лицо портрета. Разница была только в том, что все, в чем она раньше видела ум, силу, энергичность, сейчас выдавало только упрямство. Скорбь в его письме о родине, о России даже рассердила Лиду: «Только тупой невежда или лицемерный ханжа может сейчас говорить так, не желая видеть, что скрывается под любовью к родине»...

Лида бросила на стол письмо и, поправив волосы перед зеркалом, решила сейчас же пойти к Герасиму.

Герасим лежал на койке и курил, засоряя пол окурками. Услышав стук, он лениво повернул голову к двери:

—Ну,—бросил в сторону двери Герасим.

Вошла Лида. Герасим вскочил с койки и пристально уставил на Звереву нахмуренный взгляд.

—Ты что это еще с гулянки не проспался?—вздумала пошутить Лида и положила руки на плечи Герасима, как бы показывая этим, что она прощает его шалость.

Колчев сбросил ее руки.

—Гераня, ты что?—в недоуменьи спросила Лида.

Герасим продолжал смотреть на нее в упор.

— Что еще у тебя такое?—переспросила Зверева.

—Ничего... Так.. Вспомнил одну интересную историю... Недавно только узнал...

—Какую еще историю?

—А вот какую,—сказал он грубо.—Как тебя одна деревенская баба,—Марьей ее зовут,—своими грудьми выхаживала, а сын ее на хлебной жвачке рос... Хороша история?

—Так значит Марья... Марьин сын ..

Лида села на стул, опустив глаза.

Герасим, не сказав ни слова, вышел на улицу...

VIII.

Колчев сидел на скамейке бульвара, сняв кепку. Холодный вечерний ветер обдувал его горячий лоб. Картины прошлого надвинулись на Герасима, захватили его всего и завертели по всем пройденным изгибам жизни маленького Герасима, схожим с дорогой по неровному месту среди множества бугров и обрывов. За этими буграми и обрывами дорога часто, казалось, терялась, но где-то опять подымалась на новый бугор... И становилось непонятным, как он смог,—и будто без труда,—пробраться по этим обрывам и оврагам...

Герасим еще малышом, как только начал понимать, узнал, что его мать служила у господ мамкой для ихней девочки. Отец его, за несколько недель до рождения Герасима, погиб во время обвала на руднике...

Дубное множеством серых, похожих между собой домов, казалось спускавшимся с бугра к реке уставшим стадом... В детстве Герасиму каким-то непонятным чудовищем казалась черная грохочущая масса на Косой вершине за рекой. Там к высоко-поднявшимся в железной паутине вышкам то и дело карабкались вагонетки, сваливая в домну гремящую руду. Еще выше, пятью поднятыми над полями пальцами с закопченными конечностями, хватающими проносящиеся облака, строились трубы, развешивая над Дубным огромнейшие черные шарфы дыма. А ночью от вылитого на вершине шлака поднималось зарево над полями, от которого бегущие воды реки принимали кровянистый цвет, и небо, растеряв звезды, становилось бурым. Оно, казалось, спускалось очень низко, грозя придавить метущееся в зареве Дубное у реки.

Еще подростком Герасима привела мать к инженеру. Он какими-то прозрачными и пустыми глазами посмотрел на Герасима. Потом, улыбнувшись и подделываясь под крестьянский говор, сказал, тронув плечо Герасима:

—Такие, Герасим, дела-то... Работать хочешь?.. Валяй, брат...

Герасим поблагодарил. Довольный инженер слегка отфыркнулся носом.

Получив работу и почувствовав себя среди суетящихся у волнистых земляных форм рабочих частицей всего завода, Герасим увидел и понял всю величественную его простоту. Клокочущие внутренности домен жгли и плавили наполнявшие их кокс, известняк и руду. Потом из пробитой летки, изгибаясь огненным удавом, ползла по грядам форм расплавленная чугунная лава.

Тогда, не торопясь, точно на прогулку, выходил на завод человек с светлорусой бородкой, с золотым пенсне, за которым смотрели прозрачные, точно остановившиеся, характеризующие малоподвижность человека, глаза. Человек этот —инженер Ушаков,—спокойно, с видом постороннего зрителя, осматривал работу, не спеша доставая портсигар и закуривал. Сделав несколько замечаний рабочим и убедившись в нормальном течении работы, он уходил к себе в кабинет.

Герасим вспомнил,—тогда это было целым событием для села Дубнова,—когда помещица Зверева сбежала от мужа к управляющему заводом инженеру Ушакову. Помещик с дочерью, черноглазой Лидой, скоро куда-то уехали... Теперь Лида должно быть числится в семье инженера...

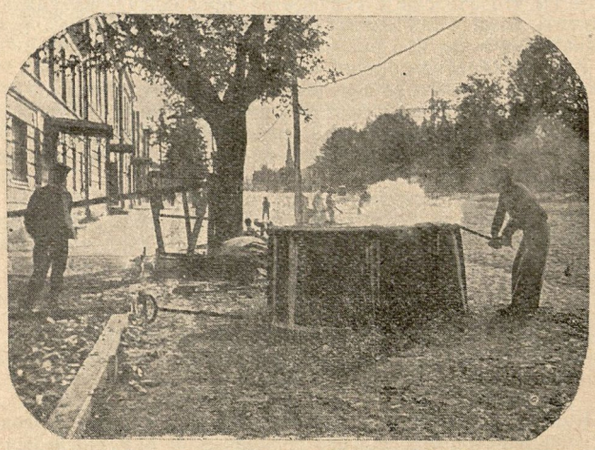
Проснувшаяся при недавнем разговоре с Лидой ненависть к ней, теперь, с воспоминанием прошлого, казавшегося далеким и будто уже отколотым от него еще с того времени, как произошла революция, и все удаляющегося от него в глубь всего ушедшего, как-то растворилась в сознании Герасима и оформилась в мысль, что виновница всего—прошлая жизнь —давно умерла, а толк ли ненавидеть мертвого?..

У двери общежития Герасима встретил Сергей с вопросом:

—Что с Лидкой стряслось, не знаешь?

—А что?.. Что-нибудь случилось?—остановился Герасим.

Асфальтирование улиц.

Варка асфальта на ул. Коммунаров в Туле.

Отдых рабочей молодежи.

Игра в волей-бол в парке культуры и отдыха.

—Никому ни слова, собрала манатки и уехала,—дернул плечами Сергей.—Ты, кобёл, должно что-нибудь натворил? А?

—Совсем?—не слушая Сергея, спрашивал Герасим.

—Уехала-то?.. Девчата полагают совсем... Да вот она тебе письмо оставила.—Сергей вытащил из кармана толстовки синий конверт.

Колчев быстро пробежал по сбивчивым строкам:

«Герасим!

Оправдываться в том, в чем я виновна, и в то же время невиновна—не буду. Тебя я понимаю, конечно... Понимаю твое личное чувство, ставшее враждебным ко мне (по закону чувств). Может быть, это—твое классовое чутье. Не знаю. Прав ты или нет, я тоже не знаю. Я тебя и не виню, конечно... Ты во мне видишь врага, а мне вот больше, оказывается, не с кем поделиться, кроме как с тобой.. Я все-таки думала стать полезным строителем новой социалистической жизни, хотя,—чувствую,—как вырванное и пересаженное на другую почву деревцо, не укрепилась еще на новой почве. Ведь корни-то остались старые... Но я надеялась... Я на тебя надеялась, Герасим. Что же мне делать? Убить себя, как Маруська? Нет: жизнь я люблю. И новые корни в новую жизнь у меня есть, Герасим. Не знаю, перестану ли я тебя любить, но, расставаясь, я хочу тебе сказать, что продолжаю любить попрежнему. Гордость моя не позволяет мне умолять и просить тебя за себя... Я не хочу ждать, чтобы меня выкинули из университета, и предрешаю это сама. Прощай, Герасим. Деться мне сейчас некуда, кроме как к своим маме и вотчиму. Отец мой во время революции был расстрелян чекой. Да я уже об этом забыла... Упомянула кстати, для полной иллюстрации о себе... В будущем постараюсь работать: верю в свои новые корни... Мучительно сознавать свой поступок, что приходилось скрывать свое социальное положение. Все-таки, если можешь прости.

Лида».

Не сказав ни слова Сергею, Герасим прошел в общежитие.

В комнате было темно. Герасим зажег спичку, закуривая, Он вспомнил, как перед ним, всего два—три часа назад стояла Лида. При тусклом свете спички он через воображение точно наяву видел эту девушку, входившую в него любовным взглядом... Спичка обожгла пальцы Герасима. Он включил электрический свет. Сбросил с себя фуражку и начал быстро перебирать книги на столе, желая в чтении книг утопить беспорядочные мысли. Но мысли продолжали вырывать куски из прошлого и настоящего...

Герасим попытался оправдать Лиду, хотел видеть в ней теперь человека своей среды, но не мог этого сделать. С мыслью о Лиде в памяти ворошилось прошлое. Из его далека летели комья, распластываясь в картины пережитого..

И эти мгновенья переживаний снова подымали у Герасима ненависть к прошлому..

Герасим, высвободив пальцы из спутанных волос головы, взял блокнот и записал вдруг пришедшую ему в голову мысль:

«Прошлое еще застряло своим хвостом в настоящем, как выгнанная собака в захлопнувшейся калитке хозяина»...

В. Старцев.

О ЧЕМ СПОР

Статья В. Ермилова *).

ВЕДУЩЕЙ группой пролетарского литературного движения—напостовством—еще несколько лет назад было выдвинуто основное положение о том, что пролетарская литература должна выработать свой, диалектико-материалистический, стиль, и соответствующий этому стилю творческий метод.

Сейчас чуть ли не всякий пишущий о литературе об'является себя материалистом-диалектиком, борцом за диалектико-материалистический творческий метод.

Ленин в своих заметках о естественно-научных книгах (XII ленинский сборник) писал по поводу книги Макса Ферворна «Гипотеза о происхождении жизни»:

«Никакого понятия о диалектическом материализме и полное неумение отличить материализм как философию—от отдельных заскорузлых взглядов материалистами называющих себя обывателей данного времени».

Большое количество обывателей нашего времени, пишущих о литературе, называет себя материалистами-диалектиками. Усвоив чисто формально,—а иногда и школьнически зазубрив,—некоторые категории материалистической диалектики, они наивно полагают, что владеют ключом, открывающим замки всех явлений действительности, науки и искусства. Даже такие, явно реакционные и заскорузлые обыватели нашего времени, как... перевальцы, декламируют на тему о диалектико-материалистическом творческом методе! Усвоив, что диалектика есть наука о законах движения, они изобретают термины вроде «движничества» и советуют писателям избегать в своих произведениях употребления имен существительных и вводить побольше глаголов: это, мол, «дает движение,—вы подумайте только,—одни глаголы! Куда уж революционнее, куда уж диалектичнее!» (См. статью одного из теоретизирующих перевальцев—П. Слетова).

Уже один этот пример наглядно свидетельствует о том, как необходимо читателю уметь отличать диалектический материализм, как философию, от обывательской и часто реакционной путаницы, прикрывающейся марксистской фразеологией.

Еще совсем недавно мы имели такое положение, когда группа воинствующих и ортодоксальных учеников меньшевистского профессора В. Ф. Переверзева называла себя группой «выдержанных материалистов-диалектиков», и с развернутыми знаменами переверзианства шла в поход против творческой линии РАПП'а.

Припомним некоторые основные положения теории проф. Переверзева, ибо они очень многое об'ясняют в сущности атаки на творческую линию напостовства и РАПП, ведущейся сейчас фактически об'единенным блоком недавних переверзевцев и так называемых «левых» рапповцев (группа Горбачева—Родова).

Проф. Переверзев является своеобразным литературоведческим... Кузьмою Прутковым. «Смотри в корень» и «Бди»,—таков его девиз.

«Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол»,—не верь глазам своим»,—поучал бессмертный Кузьма Прутков.

Если писатель-буржуа изображает в своем произведении помещика, или крестьянина, или рабочего,—не верь глазам своим: это обязательно буржуа, поучает проф. Переверзев. Надо только раздеть этого помещика или крестьянина, освободить его от помещичьих или крестьянских покровов, надетых на него художником, и обнаружится, что перед нами—буржуа.

Кузьма Прутков поучал:

«Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Этому глубоко-содержательному афоризму следует профессор Переверзев во всей своей литературоведческой теории и практике. С его точки зрения, в «круг понятий классового человека входит только внутренняя жизнь его класса,—ничто другое, никакие элементы другой, чуждой ему классовой действительности не могут входить в «круг понятий» классового человека, в заколдованный круг образов данного художника «Чужая душа—потемки». Чужая классовая психоидеология—с точки зрения проф. Переверзева — непознаваема, как кантовская «вещь в себе».

Ученики проф. Переверзева, руководствуясь его рецептами, старательно создавали свою переверзевско-прутковскую литературно-критическую школу, наглядно демонстрируя на самих себе неувядающую правильность одного из афоризмов Кузьмы Пруткова:

«Многие люди подобны колбасам: чем их начинят, то и носят в себе».

Упомянутые положения проф. Переверзева в переводе с переверзевско-прутковского языка означают: релятивизм, абсолютное отрицание об'ективно-познавательной функции искусства, разрыв с марксистской теорией, рассматривающей искусство, как одну из форм мышления, познания в образах. С этим логически связывается и определение проф. Переверзевым искусства как игры. В искусстве классовый человек забывает о классовой борьбе и отдается забаве: он играет в жизнь и, играя, воспроизводит самого себя в образах.

Искусство как средство ориентировки своего класса в противоречиях предстающей перед ним действительности, искусство как средство об'ективного познания друзей и врагов, искусство как орудие изменения действительности на основе ее об'ективного познания—выпадает из переверзевской теории.

С этой точки зрения нет никакой качественной разницы между, скажем, пролетарским и буржуазным искусством. И то, и другое одинаково верно выражают: одно—пролетария, другое—буржуа; и то и другое одинаково ничего не могут познать: одно—в буржуа, другое—в пролетарии. Переверзевский вульгарный «об'ективизм», как видим, своею оборотной стороной имеет не менее вульгарный суб'ективизм.

Напостовство всегда подчеркивало необходимость для пролетарского писателя стремиться к максимально верному познанию об'ективной действительности, потому что только на этой основе пролетарская литература может явиться в руках своего класса орудием изменения действительности. Напостовство в своей творческой теории и практике выразило протест растущей пролетарской литературы против всяческого схематизма, против всяческого скольжения по поверхности явлений. Оно призывало пролетписателей не довольствоваться внешностью, кажимостью, видимостью, оно призывало художников рабочего класса итти все глубже и глубже в сущность явлений. Напостовство напоминало пролетарской литературе, что она—единственная литература, последовательно и до конца заинтересованная в обнажении всех противоречий действительности, а не в лицемерном прикрытии и замазывании их, в срывании всех масок с действительности, потому что она—литература единственного класса во всей истории человеческого общества, суб'ективные стремления, желания, интересы которого не временно, как например, у буржуазии в ее революционный период, а по самой сути своей совпадают с об'ективным движением действительности, Чтобы победить врагов, чтобы укрепить союз с другом, надо знать врага и друга. Чтобы бороться с врагами и вести за собою друзей, надо узнать самого себя, свои слабые стороны, обнажить свои внутренние противоречия—конечно, не путем пассивного самоанализа, а единственно верным путем—практики, действия. Поскребите иного коммуниста—и вы увидите в нем залежи и великодержавного шовинизма, и обломовщины, и многое другое,—учил нас Ленин.

Неудивительно, что со страниц «Печати и революции»,—бывшей недавно боевым переверзевским органом, начался обстрел наших творческих позиций, прежде всего, именно по этой линии—по линии вопросов, связанных с об'ективным познанием действительности. Поднялся демагогический вой на тему о том, что напостовцы держат в своих руках знамя «наивного реализма» (Переверзев, как известно, презрительно называет «наивным реализмом» стремление у Бальзака, например, найти об'ективно верные типы различных классов современного Бальзаку общества, ему «неинтересно» замечание Маркса о том, что в изображении этих типов—величайшая заслуга Бальзака: с точки зрения Переверзева Бальзак изображал только... Бальзака), поднялся вой на тему о том, что напостовство мешает пролетарским писателям быть активными, что напостовство проповедует пассивное созерцательство.

Нечего заниматься обнажением противоречий в действительности! Есть только два полюса в нашей действительности—положительный и отрицательный. «В наше время хорошее и плохое, положительное и отрицательное резко разграничены,—писал бывший в то время переверзевцем Беспалов.—На одной стороне—революция и силы, способствующие ей, на другой — реакция и ее помощники». Все просто и ясно: хорошее борется с плохим, хорошее—сплошь хорошее, плохое—сплошь плохое, а пото-

---

*) В порядке творческой дискуссии.

му единственная задача пролетписателя и состоит «в усвоении и воспроизведении этого обостренного конфликта положительного и отрицательного». Лозунг «живого человека» в литературе об'являлся лозунгом буржуазного об'ективизма. О враге известно только одно: он отрицателен, познать его с точки зрения Переверзева невозможно, а с точки зрения Беспалова—и не нужно. Врага ругай, друзей—хвали, себя—утверждай—к этому сводилась несложная премудрость т. Беспалова и его друзей. Несомненно, что лозунг «живого человека» послужил кое для кого орудием для оправдания их действительно об'ективистских, действительно смазывающих боевую классовую установку пролетарской литературы, ошибок. В полном соответствии с тем, что главной опасностью для теперешнего этапа развития пролетарской литературы является правая опасность—мы видим в творчестве отдельных пролетарских писателей тенденции ската к всеволод-ивановскому биологическому «живому человеку» и т. п. Бороться с этими тенденциями можно не путем противопоставления лозунгу «живого человека» суб'ективистской творческой рецептуры, а только орудием диалектико-материалистического творческого метода.

Стремление пролетарской литературы сорвать маски с действительности, не довольствуясь внешностью явлений, проникнуть в их сущность, не довольствуясь, например, анкетной видимостью того или иного коммуниста, познать его об'ективную социальную функцию, вскрыть его внутренние противоречия и распознать, например, в нем... Эйдкунена из интереснейшего (хотя и несвободного от ряда серьезных ошибок) романа Либединского «Рождения героя»—Эйдкунена с его обывательским метафизическим рассудком, с его строгим делением явлений действительности на «положительные» и «отрицательные», с его удовлетворением внешней, поверхностной правильности; разгадать Эйдкунена, который, ведь, с точки зрения Беспалова—вполне «положителен», так как он на той стороне, на которой находится «революция», он—«превосходный» и примерный член партии, разоблачить его, показать, что элемент «эйдкуненщины», филистерства, схематизма, успокоенности, самодовольства, оппортунизма, не желающего тревожить себя и удовлетворяющегося «анкетным» большевизмом—есть еще во многих из нас, потревожить Эйдкунена. заставить всех нас побеждать внутри себя эйдкуненщину,—все это никак не вяжется с рецептами т. Беспалова. Пролетарский писатель—только утверждает или отрицает, он видит здесь—«да», а там—«нет», а все остальное—от лукавого.

Эйдкунены всех категорий не хотят, чтобы их беспокоили. Они довольны своей работой, действительностью, они уверены, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Они читают анкеты, сводки и видят: вся округа перешла на сплошную коллективизацию! Процент коллективизированных хозяйств такой-то! Кулак ликвидируется! Крестьянство сплошной лавиной идет в колхоз!

А отличить борьбу противоречий внутри единого—они не могут! Отличить, где положительное и отрицательное внутри самого положительного, отличить, где чиновничье администрирование, а где подлинная революционность—это не их дело, это «буржуазный об'ективизм». «Хорошее имеет свои плохие стороны, плохое—хорошие. Это верно»,—милостиво соглашается т. Беспалов,—«Но,—тут же восклицает он,—почему же мы должны снижать хорошее и прикрашивать плохое? Для буржуазной идеологии этот метод незаменим, ибо он воспитывает об'ективизм. Пользуясь таким методом, никогда не подняться до пафоса оптимистического воспевания революционной действительности. Пользуясь таким методом, никогда не дойти до сарказма, беспощадного разоблачения, бичевания плохого в нашей действительности».

Здесь т. Беспалов с головой выдает эйдкуненскую, мелкобуржуазную сущность своей творческой рецептуры. Мелкий буржуа боится противоречий, он может «воспевать» революционную действительность только до тех пор, пока идет все гладко и спокойно. А стоит только показаться сущности из-за видимости явления, стоит только проявиться внутренним противоречиям—как мелкий буржуа уже не имеет «пафоса оптимистического воспевания», он уже шарахается в тот или иной уклон, он или гордо об'является себя «левым», или откровенно разоблачает свою мелкобуржуазную природу, в ничем не прикрытом оппортунизме. Он имеет пафос.. до первого противоворечия!

Революционный мелкий буржуа «сжился» с революционной действительностью, он искренно ненавидит ее врагов. Но если оказывается, что и у врага есть сила, что и у него есть чему поучиться,—он уже колеблется, он уже не чувствует в себе силы для «сарказма», для «беспощадного разоблачения и бичевания»...

Так мелкобуржуазная теория Переверзева, не умеющая преодолеть односторонность об'ективизма и суб'ективизма в высшем синтезе, а оставляющая ту и другую сосуществовать в одном недиалектическом «единстве»—оказывается опорой, базисом для мелкобуржуазных, по существу своему, суб'ективистских, творческих рецептов тт. Беспалова, Гельфанда, Зонина и др.

И хотя они и усиленно «козыряют» диалектическими категориями—ничего общего с методом диалектического материализма не имеет их метафизическое подразделение всей действительности на сплошь «положительное» и сплошь «отрицательное». Всякий «сплошной» подход к действительности недиалектичен и чреват различными последствиями,—в чем мы имеем возможность убеждаться на практике.

Именно на этом пути—на пути суб'ективизма, логически вытекающего из переверзевской теории, оказался возможным об'ективный блок группы Беспалова с «левой» группой Горбачева—Безыменского—Родова. Горбачев в полном согласии с Беспаловым утверждал, что метод «живого человека» годится только для показа «положительного» героя, на предмет поднятия революционной энергии в массах рабочего класса, а врага надо только ругать, не стараясь проникнуть в его сущность для того, чтобы побить его, зная его сильные и слабые стороны.

Мелкий буржуа боится обнажать действительность, он боится себя, боится за свою неустойчивость, он подозревает самого себя в том, что он не вполне еще разделался со своими внутренними колебаниями, что где-то внутри у него теплятся кое-какие чувствица, могущие вдруг определиться, как не то сочувствие врагу, не то страх перед ним.. «раскрытие душевных переживаний—это один полезных методов привлечения симпатии читателя к герою»... Горбачев боится, что об'ективное раскрытие психологии классового врага неизбежно привлечет к врагу симпатию читателя. И здесь Горбачев не одинок: ему вторит один из литературных друзей Беспалова—т. Кин на страницах «Печати и революции»: «Читатель введен в интимные углы переживаний—и в результате об'ективно-вредное, расхлябанное, небольшевистское поведение Мартына получает множество суб'ективных оправданий; мы начинаем «по человечеству» понимать и—чего доброго—извинять героя романа». Все понять—значит все простить—эта обывательская премудрость кажется Кину вершиной истины. Все понять для того, чтобы еще больше ненавидеть или любить,—такова точка зрения большевика.

Этот путь суб'ективизма тесно связан и с другими творческими рецептами блока бывших переверзевцев и «левых» рапповцев. Отсюда тяга к романтизму, прикрашивающему действительность, надевающему политические покровы на живые противоречия реальной действительности. Отсюда—презрение к тому искусству, о котором Ленин говорил, что оно «срывает все и всяческие маски» с действительности, презрение к реализму и превознесение суб'ективистской художественной манеры Гейне и Анатолия Франса, отсюда—протест против всяческого «психологизма», против стремления сделать пролетарскую литературу орудием проверки имеющегося в распоряжении пролетариата человеческого материала, отсюда превознесение творческого метода лефовцев как образцового для пролетарской литературы—того метода, который сознательно ограничивается поверхностью явлений.

Мелкий буржуа боится самого себя, он кричит:—Я с революцией! Мы все «положительные»! Эйдкунены всех мастей боятся тех рентгеновских лучей, которыми пролетарское искусство беспощадно разоблачает их подлинную природу.

И этот страх мелкого буржуа об'ективно ограждают творческие теории тт. Беспалова и Горбачева, они об'ективно прикрывают самодовольство филистера.

В этом—сущность ведущегося сейчас спора по вопросам творческого метода. Беспощадно разоблачать все противоречия действительности для того, чтобы на основе об'ективного познания перестраивать действительность—или романтически приукрашивать действительность, надевать на нее покровы, проявляя филистерскую «нежность» к вещам, игнорируя живые противоречия, «лакировать» действительность, отделять суб'ективное от об'ективного, утверждать знамя суб'ективизма, не способного ни к какой перестройке, обреченного на бесплодие и пассивность?

Пролетарской литературе не нужен «оптимистический пафос», пасующий перед первым реальным противоречием, пролетарской литературе не нужен «сарказм», теряющий свое жало от соприкосновения с живой действительностью.

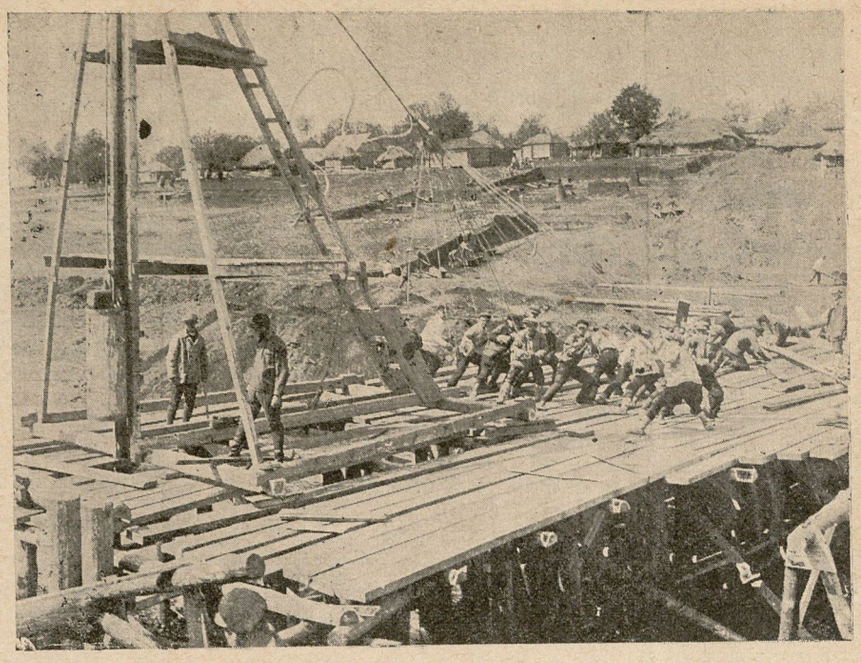
Пролетариат строит и построит самую бесстрашную, самую беспощадную литературу, вооруженную революционным методом диалектического материализма, познающего действительность во всех ее противоречиях и помогающего перестраивать мир, утверждающего социалистическое будущее не на основе мелкобуржуазного «пафоса» и «сарказма», не на основе релятивизма и суб'ективизма, а на основе сил действительности.

Только такая литература нужна периоду великой реконструкции.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

В бой за уголь!

Стихи Ив. Костина.

На земле золотеют сады,
Дикий уголь лежит под землею,
Глыбы дыбом встают, как льды,
Скованные покоем.

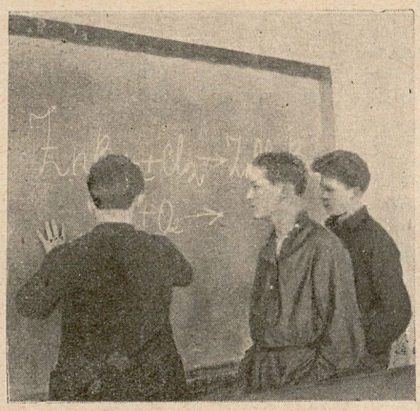
На земле, куда ни ступи,—
К верху взводы растений рвутся,
В черных глыбах силища спит
И не может никак проснуться.

Бесполезно стынет она
И мне боль ее так понятна
Обвивает ее тишина,
Претоскливая, вероятно.

...Но вот люди спустились вниз,
Разрубая пласты пред собою,
И внизу огоньки зажглись
Светляками в первом забое...

Только это все старина,
Так сказать,—уже область предания,
Потому что давно тишина
Получила свое „до свидания".

Ей сказала его кирка,
Динамит наложил резолюцию.
— Ей, тащите наверх старика
Вместе с нами творить революцию!

— Мощь угля подымайте скорей,
Надоело столетнее иго ей!
По сияющим стрелам рельс
Поезда наши уголь двигает.

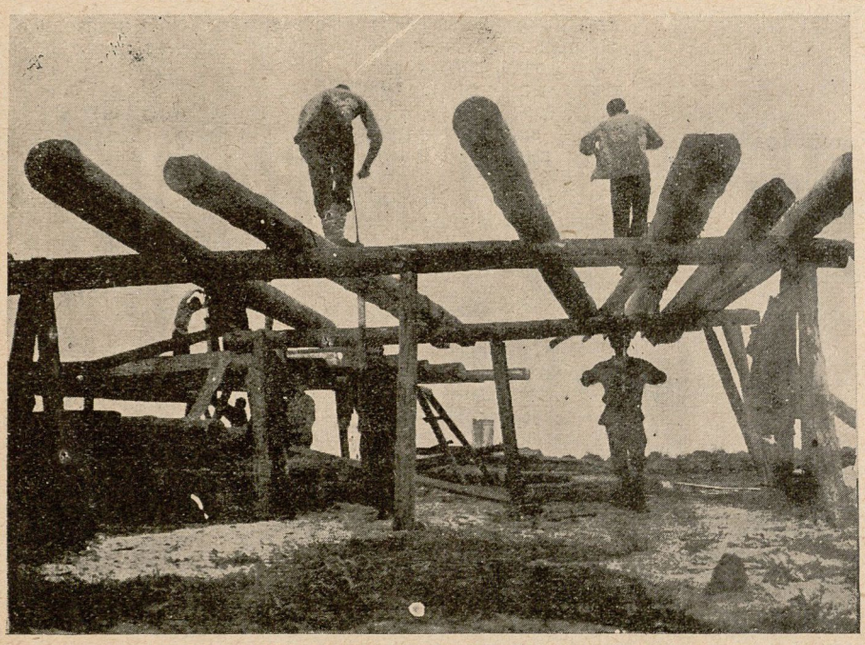
Он, усилием тысяч рук
Извлеченный наверх из темени, —
Самый верный и лучший друг
Большевистского бурного племени.

Лучший друг тех, кто строит страну,
Перекраивает ее наново,
Разрезая кругом тишину
Гулом стройки, расчитанной планами...

...На земле, куда ни ступи,—
К верху взводы растений рвутся.
В черных глыбах силища не спит,—
Вместе с нами творит революцию.

В жилах стреков плескается гуд,
Вагонетки бегут вереницею;
На земле корпуса растут,
Чтобы завтра заводам дымиться...

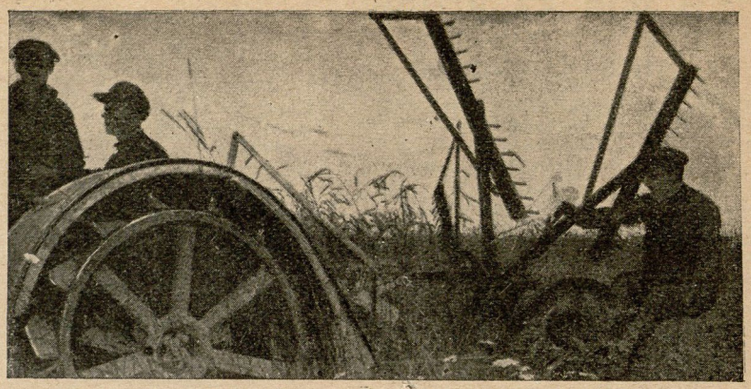
— Становитесь в ударный строй!
Уголь наверх!
К заводам двинь его!
Бой за уголь—
Есть бой
За генеральную линию.

На Бобриковском руднике, Тульского округа, в текущем году развернулось грандиозное строительство. Строятся: 11 новых механизированных по-американски шахт, 14 химических заводов, керамический завод, электростанция на 300 тысяч киловатт, социалистический город с трамваем, водопроводом, канализацией и т. д. Кроме того, проводятся 2 железнодорожные магистрали: Бобрики-Тула и Бобрики-Кашира. Химэнергострой будет закончен к концу пятилетки.

На снимках: 1) вверху—забивка свай на перемычке Шатовской плотины; 2) в средине—в Тульском горном техникуме готовятся новые технические кадры для Подмосковного бассейна; 3) распилка леса на Любовской плотине. Обе плотины—грандиознейшие в мире.

СТАЛЬНАЯ КАВАЛЕРИЯ.

Из повести Я. Лукьяненко.

I.

ЗЕМЛЯ, набухая, поспевала,— приближался сев. До выезда в поле оставались считанные дни. Колхозники артели «Ледоход» с нетерпением ожидали стальной отряд тракторов. По Тяпкино прошел слух: прибудут завтра.

Колхозники, затаив дыхание, ждали.

Но вот оно настало «завтра», а ни тракторов, ни Ефимки Левака не было.

— Што делать?!

— Прямо, как пропасть на него там напала!

— Уж не случилось ли что?

— Ну-ка, Пашка, лезь на крышу и погляди-ка. Ничего не видно?

Это говорил председатель колхоза Конченок члену правления колхоза Пашке Котику. Они стояли во дворе Конченка. В амбаре Жуков, Петька Нюхач и Корноухов протравливали семена формалином: готовили к севу. Из амбара по всему двору распространялся такой резучий и едкий запах, что, казалось, не будь ветра, этот запах разорвал бы давно на части ноздри.

— Оть чорт, как хватает!

— Ну-ка заворачивай!

— Заверни-ка ее, чорт, как воняет!

— Фу-ух! Все ноздри разодрало...

Мужики из амбара ведрами выносили пшеничное зерно и рассыпали по разостланному парусу. Гараська Куканов, Харлам Куянов, Алеха Зубарь, Мавра Семениха, старый Петро Горюн, Игнат Отчаянный переворачивали деревянными лопатами зерно, и оно, как рубленые кусочки золота, звенело. Зерно сушили.

В ворота заглядывали ребятишки.

— Нет, Илюха, што-й-то ничего не видно...

— Да ты на бугор гляди, на бугор!

— И по бугру тоже ничего не видно...

— Хых-ты, и што жа он там делает, чортова растяпа!

Конченок волновался.

Высушенное зерно насыпали в мешки и бунтами складывали по разостланной соломе около амбара. Весь день прошел в муках ожидания.

— Чай, завтра приедут.

— Наверняка приедут.

— Скорей ба...

Но приходило и проходило «завтра», а тракторов и Ефимки не было.

Кулаки пустили слух: Левак скрылся с деньгами, а Колченок укрывает его и тоже скоро скроется. Поедет в роде как на розыски—и конец.

Верили и не верили.

Среди колхозников-гусинцев нарастало недовольство. На углах грязной улицы Гусинки часто появлялись: Евсей Иваныч Скворцов, Будко и сам Кадук Федосей Тихоныч. Сначала они приходили по одиночке, потом вместе — и распускали среди гусинцев разные слухи. Обыкновенно начиналось так. Чтоб не было заметно, Скворцов и Будко останавливались среди улицы, разговаривали между собой, а Кадук заходил в избу-завалюшку Микиши Пузана и спрашивал:

— Ну как, Микиша, поросенка не продашь? А то куплю...

— Нет, Федосей Тихоныч, не продам,—сам с'ем...

— Хе-хе-хе, сам с'ешь...—и незаметно переводил разговор на то, как ловко Левак и Конченок надули гусинцев.

— Пойдем погуторим на улице.

Пузан слезал с печки, одевал заплатанный легкий пиджачишко, и они выходили на улицу. Садились около Пузана на камни, разговаривали. К ним подходили другие мужики-гусинцы, а с ними вместе Скворцов и Будко. Получалось целое собрание. Тогда Федосей Тихоныч прямо ставил вопрос:

— Вот дурачье! Не слушали нас, а Конченок-то вас с Леваком ловко опутали, хе-хе-хе,—своих лошадушек в конюшню, а ваших... жик и нетути! Хе-хе-хе... Приедет вот и скажет: «Граждане, обокрали»... Что делать станете?

Гусинцы махали руками, некоторые хмурились, некоторые спорили, не соглашались.

— Как говорили: гляди, мужики, как хозява на это смотрють, а то каба на мягкой постельке да жестко спать не довелось, хе-хе-хе.

Будко и Скворцов молчали.

— Не может быть этого, Федосей Тихоныч, чтобы Левак дозволил такую подлость, как вы гуторите.

— Ну да, а кака ему выгода!

— Не может, говорите? Хе-хе-хе... Какая ему выгода?... Весь народ об этом гуторит, а вы говорите: не может быть этого, хе-хе-хе.

— Как дыму без огня не бывает, так этого дела,- подчеркивал Будко.

— А то как же, Семен Силыч? Земля слухом полнится.

Это говорил Скворцов, длинный, высокий, чернобородый, с корявой палкой в руке. Он, обзирая черными ястребиными глазами гусинцев, заговорил сразу быстро и убежденно, чувствуя авторитет прошлого.

— Что же вы, граждане, разе не знаете вечного побирушку шабола Ефимку Левака и Конченка, вечного голодранца? Это же мошенники исстари!

— А то как же!

— Знамо дело!—кричал Володька Журун.

— Я, граждане, слава тебе господи, пожил на своем веку, видывал людей и жисти и нигде не встречал таких редкостных людей, как наш старинный род Кадуковых! О Кадуках идет слава далеко за наше село... А почему? А потому, что Федосей Тихоныч кажному бедняку оказывает помощь... Кто из вас не пользовался помощью Федосея Тихоныча, скажите мне?... Ни одного человека в жисти своей он не обманул.

— Знамо дело, Федосей Тихоныч, х-х-а-а-роший человек!— воскликнул Микиша Пузан.

— А то чего же!—загалдели гусинцы.

Федосей Тихоныч оживился. Речь Евсея Иваныча взбудоражила его сердце. Он расчувствовался. Полное румяное лицо его горело. Серые оловянные глаза, как буравами, сверлили толпу гусинцев.

— Граждане, вы хушь и гусински, ну мы как люди — все одинаковы... Знаете, я вам скажу, у меня в груди ба-а-льшая любовь к человечеству — и ко всем одинаково: хушь к бедному, хушь к богатому. Мне все едино — люди... И вот кады я узнал с первых сточников,— я до этого не верил,— как услыхал от Семки свово, кады он ездил на вокзал, возил сноху в город, что Левака на станции нету и никаких тракторов нету там, и еще это подтвердил на станции наш знакомый Петро Сергеич, что, говорит, никакого Левака, дескать, и вообще тяпкинских колхозников никого он не видал,— я тогда поверил.. И вот я вам говорю: жалко мне людей, обдули вас...

— Н-у-у?! Ах...

— Истинный господь!—побожился Кадук.

— По всему ходу видно:—Левак вас с Конченком и красноглинской шлепшатией оптяпали.

— Как ловко обставили, ха-ха-ха,— расхохотался Скворцов.

Гусинцы заволновались...

. . . . . .

Вечерами кучами собирались гусинцы в избах,—обсуждали. Утрами «завтра» приходили на Красноглинку,—во двор к Конченку, справлялись. Конченок раз'яснял. Слушали, с грустью поглядывая на бунты отсортированной, протравленной пшеницы, лежащей в мешках. На дворе уже без работы стояли триер и сортировка. Около веялки в беспорядке разбросаны были сита.

Раз'яснениям Конченка верилось и не верилось. Расходились недовольные. Опять собирались в избах, на углах и на улицах, рассказывали друг другу разные деревенские вести о Леваке и тракторах. А слухи ползли и ползли, каждый новый день принимая все более чудовищный характер. Среди красноглинцев было спокойней. Толи потому, что там, на их кутке, помещалось правление и каждый день собиралась группа бедноты, толи красноглинцы были сознательнее гусинцев.

— Сам Пашка, говорят, Федосей Тихонычу проболтался, что трактора и деньги они с Леваком давно прокутили, и Левак боится возвращаться, пока не утихомирятся. Находится он на станции Иловлинской.

— Ну?

— Вот те хрест! — божился гусинцам Микиша Пузан, мордастый, короткий.

— Что болтаешь зря! Рази Пашка скажет, хоть бы и в правду пропили?

— Брось ты, Гараська, перечить. Можа он по секрету тестю брякнул.

Это говорил Володька Журун. Они только вернулись с Микишей Пузаном от Федосея Тихоныча; были выпивши.

— Не веришь, Гараська? Спроси сам у Федосея Тихоныча: они нам вчерась около лавки Ваньки мясника сказывали: деньги, бают, за трактора проклюкали вместе на вокзале Левак, Конченок, Вармал, Петька Нюхач и Пашка Котик.

Герасим Куканов не верил.

— Все это, Микиша, кулацкие сплетни...

— Вот глиста длинный! А разе нас Левак и Конченок не обдували раньше?!

Гусинцы припоминали случаи, когда их Левак и Конченок обдували, но ни у кого почти не было такого случая. Около забора Микиши Пузана стояла толпа гусинцев. Журун, с черным от загара лицом и большими, как у лошади, белыми зубами, орал:

— Глотки им всем, красноглинцам, надо вырвать!...

— А то чево жа,—поддакивал Харлам Пуянов.

— Знамо дело... выдрать,—сплюнул Микиша Пузан.

Гусинцы волновались, вздыхали. И, несмотря на то, что все возмущались поступком Левака, а все-таки ждали его с тракторами. Где-то в тайниках сознания теплилась надежда: авось, и приедет.

Илюха Конченок, предчувствуя грозу, созвал правление.

— Что ж будем делать? В народе, особливо среди гусинцев, замечается сильное разлагательство на почве неизвестной... И что он, чортова левша, там делает! Хоть бы сообщил што ля. Ай што там с ним приключилось? — с горечью говорил Илюха.

Члены правления, Варлам Верблюдов, Никита Корноухов, Петька Нюхач, Пашка Котик, Павел Жуков, Василий Чепетуха, Кузьма Коваль, молчали.

— Что же будем делать? — повторил Конченок.

— Надо завтра выезжать в поле, вот и все тут, сказал Кузьма Коваль.

— На чем?

— Сколь есть лошадей, на столь и поедем.

— Какие они, Кузьма, лошади? Одры, а не лошади,—возражал Варлам,—тока скомпроментируем себя и больше ничего...

— Обождем еще денька два,— тогда видно будет,— сказал Вася Чепетуха.

— Земля сохнет, Василь. Чож ждать-то? Пока совсем выветрится? Ехать и все!—настаивал Корноухов.

— А сеять как?

— Вразброс.

Все замолчали. Волновались, курили и курили. Молчание нарушил Никитка Корноухов.

— Надо б собрание собрать для раз'яснения народу, а то сплетняв, сплетняв, аж жутко слухать!

Конченок решительно запротестовал.

— Нельзя в таком возбуждении собирать народ. Этим только беду назовешь.

— Ясно, обождать надо,— поддержал Петька Нюхач.

Согласились.

II.

Ефимка Левак, заведывающий производством колхоза, еще неделю тому назад уехал на станцию Качалино за тракторами и рядовыми сеялками. Уехал и пропал.

— Ведь вот, чортова голова! — возмущался Конченок.— Писнул бы хоть что...

— Его только за смертью посылать.

— Сволочина!—выругался Конченок.

Никита пошел домой, а Конченок отправился в соседнюю деревню Идолгу, в сельсовет.

Земля, снявши посконную рубаху зимы, покрывалась зеленью и курилась паром. Кустистая сочная рожь зеленела. Солнце всходило из-за садов Гусинки и закатывалось за садами Красноглинки. Дул ветер, сухой и резкий, высушивал землю. Зяби, теряя влагу, черепели. А колхоз «Ледоход» еще не выезжал в поле.

«Ледоход» организовался зимой и состоял, главным образом, из двух кутков большого села Тяпкино, Гусинки и Красноглинки. Середина Тяпкина—колоша, островок и «гамазей» — осталась вне колхоза. И как только чуть поспела зябь, часть единоличников-тяпкинцев выехала в поле и уж вот два дня проводила сев, а колхоз «Ледоход» ожидал Ефимку с тракторами,— разгара сева еще не было. Красноглинцы просыпались рано утром, высыпали из своих изб и смотрели, как восходит солнце из-за садов гусинцев. А гусинцы наблюдали после нудного дня ожиданий Ефимки за закатом солнца за садами красноглинцев. И обсуждали очередную версию сплетен на тему: куда мог деваться Левак?

— Ох-хо-хо-хо, исправду наверно гуторят Федосей Тихоныч и народ, что наших лошадушек пропили.

Красноглинцы с нетерпением ожидали Ефимку. И на слова Федосея Кадука отвечали:

— О-о-о-о, Федосей Тихоныч, мы, ечьмит твою в жилу, как сядем на свою стальную кавалерию, враз догоним вас...

— Да еще обгоним!

А Кадук, этак с ехидцей, посмотрит на председателя колхоза Конченка, который только в этом году перестал у него жить в работниках,— а то и до революции и после гнул в большом кадуковом хозяйстве свою спину,-посмотрит и скажет:

— Ну как ты, Илюша, не думаешь вертаться к моим быкам? А то иди: как-нить свою и твою земельку засеем, а там после сочтемся... Што с тобой делать: — горемыка ты, жаль мне тебя...

И помолчит:

— Трактора-то, видно, вас тово: трахнули. Хе-хе-хе... Смотри, утопли гденить у балки аль провалились. Хе-хе-хе, пра-а-а... День-то ведь нынче год кормит, пойми, а вы гуляете. Хозява! Хе-хе-хе... Говорил: Илюха, мотри, отстань ты от этих шалопаев... Нет, связался с красноголовым Леваком и кружиным Нухачом... Помни, брат, мое слово: он те, этот Левак, до добра не доведет: сам не сядет в тюрьму, а тебя обязательно засодит. Как в воду гляжу, и вижу тебя за решоткой, ей-бо!

И потрогав рукою Конченка за плечо и этак шепотком:

— А не догадываешься ли ты почему Левак пропал? С первых сточников мне известно: скр-ы-лся...

Илюха рассеянно смотрел по сторонам и как-то неестественно улыбался. Он думал: «Чорт его знает, проклятый Левак, как провалился». И вслух, глядя на носки сапог, сказал:

— Враки все это, Федосей Тихоныч! Обязательно нынче к вечеру приедут...

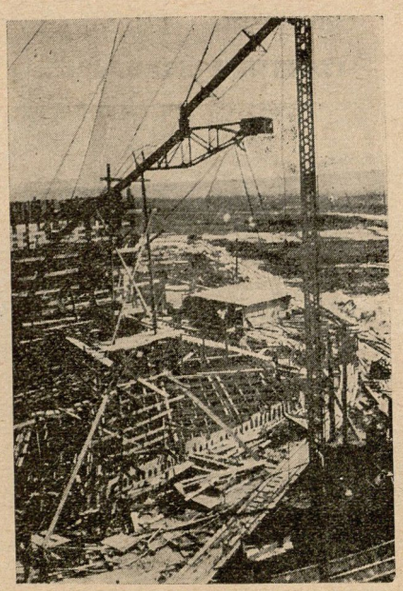
А потом, подняв глаза и глядя прямо в переносицу Федосея Тихоныча, как бы бросая ему вызов:

— А завтра мы с вами ввяжемся в бой, кто лучше и скорей засеет.

Конченок сказал это воинственно, но все-таки сомневался: приедет ли?

— Гляди, Илья Лександрыч, тада не пеняй: ни борозды не посею!

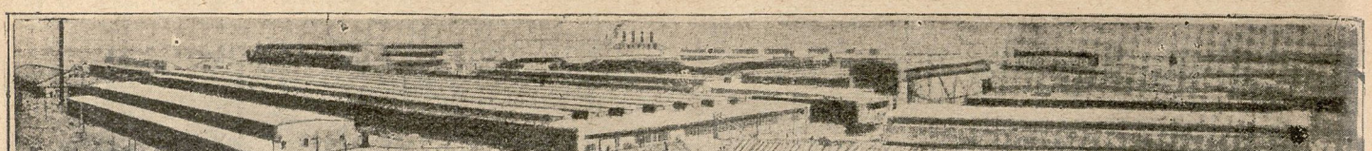
Постройка новой электростанции.

На станции Бекетовка (близ Сталинграда) строится новая электростанция, которая будет обслуживать весь Сталинградский район. Постройка станции будет закончена в 1931 году.

На снимке: вид части строительства.

Пущен Сталинградский тракторный завод.

Почти одновременно с Сталинградским тракторным заводом-гигантом пущен Ростовский завод сельхозмашин. Тракторный завод будет выпускать 50.000 тракторов в год. Сельмаш по развернутой программе должен производить сельхозмашин на 115 миллионов руб. ежегодно, тогда как все имевшиеся в довоенное время 900 заводов по сельхозмашиностроению производили сельхозмашин ежегодно всего лишь на 70 миллионов рублей.

— Что ж...

Конченок хотел еще что-то сказать, но тут из-за угла курепиной избы показалась неожиданно многоголосая толпа. Она шла учащенными шагами, махала руками и ругалась злыми отборными словами. Конченок слышал, что толпа ругала его и Ефимку...

Это шли гусинцы. Во главе их—Микиша Пузан, Володька Журун и Харлам Куянов.

— Аглоеды,— неслись крики из толпы,— скрутили народу голову...

— Суккины дети, поморить наверно нас хочут!

— Ты смотри, что делается: земля черепеет, а мы чухаемси!

— Пропили лошадей, подлецы!

— И жен скоро пропьют...

— Трем свиньям пить не могут подать, а болтают: мы, да мы...

Илюха стоял против пожарного сарая. С ним рядом с батожком, по-волчьи озираясь по сторонам, юлил серой бородой Кадук. Кадук знал, что Микиша ведет толпу гусинцев за тем, чтобы поднять бунт против колхоза, разобрать семена и развалить колхоз. Вправо от них стояла огромная, многооконная, похожая на барак школа; влево высилась высокая кирпичная церковь, а рядом с нею, блестя на солнце зеленой железной крышей, торчала церковная сторожка. С колокольни в дыру ее коридора был протянут канат, чтобы не выходя на двор, сторож Ермоха мог ночами отбивать часы. Вся площадь была усыпана песком и золой. Легкий ветерок поднимал целые столбы пыли.

Один такой вихрь налетел на Кадука и Илюху, обдавая их пылью. Кадук сказал:

— Вот пылища-то!

Толпа гусинцев уже подходила к ним.

— Вон он, собака!—обращаясь к толпе, выкрикнул Пузан, и его широкое лицо сделалось красным, как бурак. Гусинцы, обгоняя друг друга, бросились к Илюхе Конченку.

— А-а-а, мерзавец! Якшаешься с богатеями!

— Лошадей наших пропили!... Поморить народ захотел, мерзавец!

И возбужденная толпа кольцом обступила Конченка, оттеснив в сторону Кадука.

— Лошадей продали! Трахтур захотели!

— Протрахтали!

— Ишь суккины сыны, мошенники, как нас трахнули!

— Ра-зо-ри-ли!

Толпа заревела. Конченок растерялся. Он хотел было раз'яснить, но тут Володька Журун во всю глотку заорал, обнажая большие, на чернокожем лице белые зубы.

— Бей его, народопродавца!

Пузан схватил Конченка за ворот и ударил ногой по ногам Илюхи. Конченок распластался крестом. Толпа гусинцев придушила его к земле. Среди гусинцев много было пьяных.

— Ах, ты, кобель! Ты от нас скрыться хочешь? Лошадей прожили, пропили и хочете за границу скрыться?...

— Ды ну-ну!? — как будто ничего не зная, удивлялся Федосей Тихоныч.

Кривя серобородое лицо, с оловянными серыми глазами, Кадук старческим, но довольно громким голосом закричал, перекрывая гвалт толпы:

— А-а-а, вот оне какея!

— Бей его, собаку!

— Собаке собачья смерть!

— У-у-у, гад!...

И раз'яренная толпа, на руках подавая друг другу Конченка, била его.

— Братцы! Дайте ему лошадиного.

— Ишь какое «рождество», стервец, наел!

— Вот она, когда обнаруживается правда-то!

— Сволочь!

Били и приговаривали:

— Это тебе трахтор!

— Это--колхоз!

— А это за наших лошадей!

Микиша переворачивал Конченка; ему помогал Володька Журун. Харлам бил по лицу. Остальные смотрели, как у Конченка из носа и ушей сочилась вишневым соком кровь и падала на песок и сапоги Микиши. Рубаха на Конченке—серая в полоску—была изорвана в клочья. Потом Микиша опустил Конченка на землю и положил вниз лицом. Володя Журун спустил у Конченка штаны до колен. И было видно, как по широкой спине Илюхи вздувались красные рубцы. Его били палками, хворостинами и тростями. Конченок лежал без движения. Но на его бока и спину продолжали опускаться удары.

Федосей Тихоныч стоял в стороне. Он страшился, как бы чего не вышло с ним. Кто-то вскрикнул:

— Убили!

Будто кто вожжей хлестанул Федосея Тихоныча. Слово «убили» его ободрило. Ему давно хотелось поквитаться с Илюхой за то, что Конченок прошлый год по суду содрал с него «какие-то отпускные» за целых семь лет, и за то, что он во время осенних хлебозаготовок приходил к нему прямо в амбар и предлагал:

— Вывезешь тысячу пудов.

— Граждане, расступи-ись!—крикнул он. Ах, он, аглоед, триста раз проклятый, до какого зла народ довел! Таких всех надо убивать!

И Федосей Тихоныч сапогом ударил в левый бок Илюху. Илюха после Кадукова удара застонал.

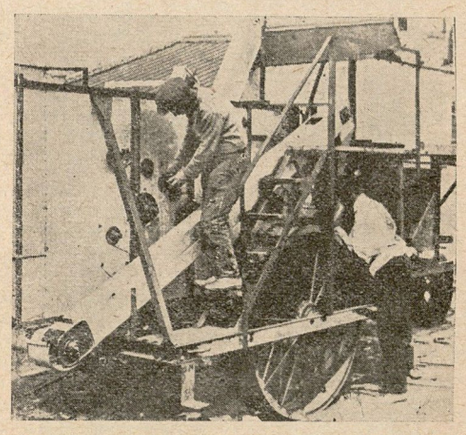
— Жив-ой!

Федосей Тихоныч заорал.

— Бей ещще!

Толпа, пачкая руки в крови, продолжала бить...

СОВЕТСКИЕ КОМБАЙНЫ.

На запорожском заводе с.-х. машин „Коммунар", впервые в СССР, приступлено к производству комбайнов. Строятся они по типу американского комбайна „Холт", показавшего себя при испытании лучшим для наших условий. В текущем году завод должен выпустить впервые в Союзе 200 комбайнов и, начиная с будущего года, после окончания строящегося специального цеха комбайнов, завод будет выпускать по 5000 комбайнов в год. На снимке: сборка комбайна.

III.

Ефимка, под'езжая к станции, на пакгаузной площадке увидел шесть тракторов и десять рядовых сеялок. У Ефимки сразу загорелись глаза, и он подумал: «Вот она, наша кавалерия как выстроилась: будто в бой собралась».

— Ну, и радости ж будет!—сказал он сам себе, подергивая за вожжи серого меринка. Вся его радость отражалась в его глазах и лице.

Небольшая станция Качалино терялась в степи. Вправо и влево от нее раскинулись дымящиеся весенними парами поля. Травы наливались соками. Придонские степи зазывали в свои весенние просторы. Над степью неугомонно звенели жаворонки: чи-чи-рики, чи-чи-рики, чи-чи-ревики... На буграх кое-где маячали одинокие пахари. Деревни, станицы, хутора, как муравей-

ники, ворочались, отдавали стуками, собачьим лаем и петушиным гомоном. Крестьяне и казаки готовились к севу: кто приделывал к телегам оси, кто чинил ерма, кто колеса. С каждого двора доносились стук молотка, разговоры, звон топора и гырканье пил. Кузницы почти день и ночь дымили жестянными трубами, распространяя в воздухе запах антрацита с перегаром железа. А бойкие кузнецы наводили лемеха, оттягивали бороньи зубья, чинили диски, плуги.

Эти дышащие теплынью поля, эти неугомонные песенники-жаворонки и безмолвные величественные тракторы, стоявшие готовыми к бою на цементной площадке, эти красные вагоны,— все это крепким вином влилось в Ефимкино сердце.

Левак быстро разыскал начальника станции, пред'явив ему дубликат... Начальник, короткий, в белой фуражке, с светлыми пуговицами на черной легкой тужурке, любезно откланялся Ефимке и повел его в пакгауз, к кладовщику.

— Вот, Петр Сергеич, хозяин тракторов явился. Выдайте ему—пока до поезда...

Ефимка, глядя на маленького кладовщика, рыжеусого, с чисто выбритыми щеками, думал: «Какой с виду незначительный человек, а какими делами ворочает». А в глубине Ефимкина сознания ворочались слова начальника станции: «Вот хозяин тракторов». Ефимка наполнялся гордостью. Его радость вся рвалась из его нутра.

Кладовщик Петр Сергеич что-то подсчитывал на счетах. Он, услышав смех Ефимки, оторвался от счетов, поднял голову и удивленными глазами посмотрел на Левака.

— Ты што, парень, гогочешь, как жеребец?

— Весна, Петра Сергевич! Весна! Ха-ха-ха, ха-ха-ха!

Ефимка никак не мог овладеть собой, сдержаться от смеха. Он смеялся громко и искренне—во весь голос. Серые хитрые глаза его блестели; моложавое лицо корчилось в смехе.

Кладовщик развел руками: «Што с мужиком подеялось? Выпил что ли? Будто незаметно»...

— Земляк, а земляк! Да ты с ума што ли спятил?—выходя из пакгауза, спрашивал Ефимку недоумевающий кладовщик.

— Петра Сергевич, вить сила-то сила!... Ты смотри, сила кака! Полдюжины тракторов и без малого дюжина сеялок!

Кладовщик догадался:

— Дак ты рад?

— Как же тут не радоваться, а?.. Петр Сергеич, как же тут не радоваться...

— Скажи пожалуйста!—и кладовщик, прослуживший пятнадцать лет на этой станции в одной и той же должности, заражаясь смехом Ефимки, тоже рассмеялся.

— Прямо как стальная кавалерия, ей-бо!—говорил он, смеясь.

Подошел поезд...

... Кладовщик принимал новые грузы в пакгауз, а Ефимка поехал в районный город, что расположился по левому берегу Дона, в семи километрах от станции Качалино, в райколхозсоюз за своими ребятами, которые к этому времени оканчивали курсы трактористов.

. . . . . .

IV.

Выпуск курсантов затянулся, а везти тракторы без трактористов было некому. Вот почему Ефимка почти целых четыре дня потерял зря, ожидая выпуска трактористов. И как только трактористов освободили, Левак посажал их на телегу, и они на сером меринке, прежде чем забелела зорька, выехали на станцию прямо с выпускного вечера.

На станции еще было темно. Только чуть-чуть брезжил рассвет. Петр Сергеич крепко спал. Ефимка, оставив ребят у пакгауза, в темноте отправился на квартиру кладовщика. Разыскал, постучал.

— Кто там?--окликнул проснувшийся Петр Сергеич.

— Это я, Петра Сергеич, за стальной кавалерией приехал.

— Счас! — и кладовщик начал собираться, думая: «Ах ты, ведь не спится мужику: чем свет явился». Взял щипцы, свинцовые пломбы, зажег фонарь и вышел к Ефимке. Ефимку встретил крепким пожатием руки. Ефимка радовался: «Ты гляди, какой добрый человек: средь ночи и не прекословит».

Они шли по садику.

Бригада трактористов осматривала тракторы. Пустили первый мотор. Мотор задрожал, загудел, защелкал.

— Хорош, Мишка!—услышали они голос Антона.

Трактор застучал, еще больше заскрежетал железом и загудел. Вдруг, будто бы на выручку первому, заржал второй мотор.

— Петра Сергевич, ты гляди, как чешут! Как пулеметы строчат!—взволнованным от восторга голосом воскликнул Ефимка.

Трактористы пустили моторы остальных тракторов.

И казалось: и ночь, и степь, все звуки зари на разные лады повторяли в Ефимкином сердце слово: «Трактор!»

Все шесть гремели, гудели. В воздухе, вместе с пряными запахами зреющих полей, плыли острые запахи бензинного дыма.

— Ба-тю-шки, какая в их сила!—восклицал Ефимка. Он наполнялся какой-то ему незнакомой силой. Ему казалось: эта сила вливалась в него.

— Молодцы!—крикнул Ефимка. Ай да молодцы!

Ефимка с кладовщиком подошли к площадке, на которой в ряд, стайкой стальных черепах, выставив вперед огромные железные груди и придерживая их, как руками, большими, зубастыми колесами, подрагивая легкой бронью, стучали тракторы моторами.

На первом, правофланговом, тракторе сидел сын Илюхи Конченка—Мишка.

Мишка выпрямился, вытянул руки, точно натягивая поводья, крутнул руль, на что-то нажал ногой, и трактор — тах-тах, чок-цок — покатился, окутываясь бензинным дымом... Вслед за Мишкой тронулся Ванька, Мавры Семенихи сын,— мальчишка, можно сказать, соплей прищибить можно, а вот пойди ж ты, полюбуйся: на чугунном коне, как хороший буденовец. За Ванькой, немного боченясь и виляя передними колесами, стронулся с места Авдон Голова. За Авдоном пошел Антон, прозванный «Московским». А за Московским взапуски, наскорях, обгоняя друг друга, двинулись Андрейка Петушек и Пронька Гаран.

— Ускачут вить, ей-бо ускачут!—и Ефимка рысью побежал за тракторами.

— Чугунный эскадрон! Сл-у-хай мою ко-ма-нду! — кричал Ефимка во весь голос. Но голос его заглушался стуком и железным говором моторов.

КОМБАЙНЫ ГОТОВЫ К РАБОТЕ.

На снимке: Комбайны совхоза „Гигант" приведены в порядок и готовы к уборочной кампании.
Справо экскурсанты осматрив. комбайны.

Тула в движении.

Очерк Владимира Серегина.

I.

По серой замше панелей, шуршa подошвами, пройдет запоздавший прохожий.

Свежий утренний ветерок прохладной струею назойливо лезет в широкие ноздри уснувших на углу извозчичьих кляч и треплет лоскуты газет и тряпок на рябом полотне мостовой.

Из покосившихся скрипучих калиток медленной походкой выходят с метлами и лопатами сонливые дворники.

Недалеко, за углом квартала, кричат бодрые голоса, слышится стук молотков и отзвуки стали: это рабочие ремонтируют трамвайные пути.

Не пройдет и получаса, как из-за поворота, где расположен трамвайный парк, гудя на изгибах рельсов, выползет вагон и лихорадочной дрожью рассыплет трели автоматического звонка. К этому времени окраины города начинают уже просыпаться. Поскрипывают калитки и двери домов. Выходят рабочие, улыбаясь прозрачному летнему утру, закуривая на ходу: надо спешить.

У трамвайной остановки уже очередь. Рабочие весело разговаривают, шутят друг над другом.

— Ты молодой, тебе и пройтись хорошо, — говорил восемнадцатилетнему парню старик в помятом картузе.—Вам все нипочем. Я вот постоянно в трамвае езжу. Не могу ходить. Далеко. Пока дойдешь до завода, и силу всю вымотаешь, работать-то и не сможешь, — говорил старик парню, который, казалось, давно его не слушал.

— Вот и вагон идет,— крикнул кто-то из толпы.

Все обернулись. Из-за горы вылезала крупная цифра «2».

Болезненно провизжал тормоз, и вагон остановился. Толпа ринулась в вагон.

— Товарищ, неужели не стыдно без очереди-то лезть?

— А в завод опоздаешь, еще стыдней будет.

— Так, по-твоему, на человека надо лезть?—крикнул кто-то впереди.

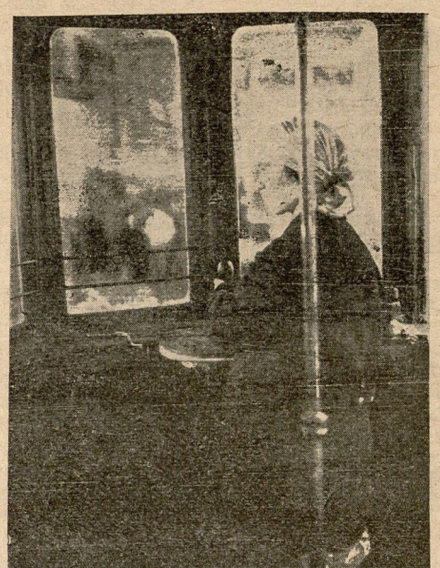
— Господи боже мой, какой чорт на ногу наступил!

— Ничего, бабка, не отдавят. Тыпереждала бы,— пусть рабочие проедут.

— Небось, в очередь спешит, сами давку создают.

— Да, в очередь, — огрызнулась беззубым ртом старуха, и больше говорить ей не пришлось даже вопреки ее желанию, так как сильным напором сзади она была втолкнута в тамбур.

— Тяжело приходится работать,— об'ясняет кондуктор, молодой парень с черными сросшимися бровями. И вот ежедневно такой скандал бывает.

Вагоновожатый-ударница.

И все потому, что вагонов слишком мало у нас, а потребность колоссальная, особенно так с 6 часов и до 10 утра.

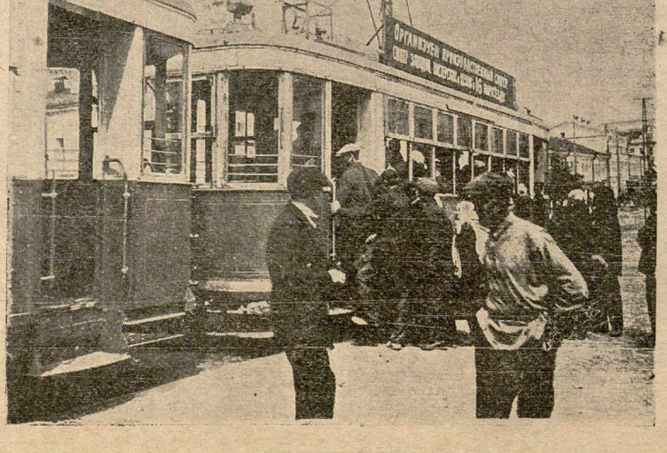
Кондуктор что-то записал в книжку, посмотрел на часы и крикнул:

— Григорь Иваныч, поедем, время!

«Григорь Иваныч», старый вагоновожатый, за свою жизнь много видавший интересных случаев, грузно поднялся со скамейки и полез в тамбур.

— Ну, пока!—крикнул мне из вагона кондуктор, — заходи в парк к нам.

Вагон рванулся и пошел считать стыки рельсов.

Толпа ринулась в вагон...

II.

Большое высокое помещение со стеклянной крышей по бокам, трубы и рубчатые батареи парового отопления,—это мастерские трамвайного парка. Вдоль сарая—длинные канавы, шириной в обыкновенную рельсовую колею и высотой в средний человеческий рост. Испорченный вагон ставят на рельсы и под ним можно вполне свободно производить ремонтную работу нескольким слесарям.

— Ремонт приходится производить очень часто,—говорит мастер.—Вследствие большой перегруженности ломаются решетки, сгорают моторы. Токоприемная дуга меняется через два с половиной месяца.

Днем в парке работы бывает немного, — со всем ремонтом справляются несколько дежурных слесарей. По обширному двору, где сплетаются рельсы, бродит женщина с ломиком— дежурная стрелочница.

Но когда наступает ночь, когда, стоная, как от усталости, на стыках проползет в парк последний вагон, здесь начинается спешная работа по осмотру вагонов: надо каждый винтик, каждый мотор тщательно осмотреть, проверить, может ли вагон завтра вновь выйти на работу. Несколько слесарей, точно врачи над больным, склоняются над вагоном, осматривают, осторожно постукивают молоточком и подвинчивают ослабшие гайки.

Бывает, что иногда заявляют мастеру:

— Кузьмич, этот вагон придется оставить на день, — здесь што-то с мотором не совсем благополучно.

— Ладно можно повременить немного, — нагнувшись над канавой, бормочет мастер.

В конторе весело. Приходят слесаря узнать, кто в какую смену дежурит. Кондукторы высыпают из разбухших кожаных сумок медяки, шутят, смеются...

— Тов. Орлов, — говорит лет двадцати парень.—Нельзя ли меня перевести учиться на вагоновожатого? Я ведь у вас уже полтора года работаю кондуктором.

— В чем же дело-то? Подавай заявление,—разберем, тогда и скажем.

Парень, радостный, берет сумку и бежит во двор.

— Иван Семеныч, на котором я поеду?—кричит.

— Сейчас из ремонта выходит «второй».

Большие стенные часы указали половину третьего. Сейчас должны кончать работу рабочие на заводах и фабриках. Сейчас начнется «вечерний отлив»: народ из центра города на трамвае устремится к окраинам, домой. Сейчас вновь, как и утром, начнется суетливая посадка в вагоны, скандалы и вместе с этим тяжелая работа кондукторов.

Ежедневно к этому времени трамвайный парк выпускает несколько лишних вагонов специально для обслуживания в переездке рабочих.

III.

Работа кондукторов и вагоновожатых тяжела. При постоянном монотонном гуле, сотрясении пола, при сквозняке и столкновениях с пассажирами, к концу дежурств люди становятся усталыми и ничем неинтересующимися.

Но мало кто понимает их работу, их усталость.

Пассажиры требуют.

Вот на одной из остановок в вагон влезает старик с мешком за плечом. Из мешка льется какая-то желтая жидкость, разносится противный запах. И вдруг в мешке что-то заворочалось и раздался пронзительный визг. Там был поросенок.

Кондуктор вежливо предложил старику выйти из вагона, но того не так легко уговорить.

— Стал-быть, трамвай только для тех, кто чисто одет? Для того, штоб в нем кататься? А ежели я «с делом» еду, так, значит, нельзя,—начал ругаться старик.—Тоже порядки завели...

— Слушайте, кондуктор, почему вы с ним любезничаете?—послышался сзади голос.—Надо вагон отправлять,—мы не можем ждать, понимаете, не можем!

— Товарищ, ведь не могу же я его вытолкнуть из вагона,—заговорила девушка-кондукторша дрожащим голосом.

Одиноко стояли извозчичьи клячи...

— Знакомый, должно...

— Товарищ, я прошу не говорить мне подобных оскорблений,—нервничает девушка.

С помощью милиционера удалось высадить старика, и трамвай снова побежал, роняя звонки, как осколки стекол, по мостовой, по вечереющим кварталам.

Встречные вагоны оглушают звоном и гулом вагоновожатого и забивают ветром в открытые окна.

Вдруг впереди на рельсах застревает ломовой извозчик. Лошадь бьет грузными копытами по камням, извозчик вертится возле воза, хриплым басом кричит на лошадь, вспоминая и «душу» и «мать» ее.

Но все же появление трамвая в Туле значительно оживило провинциальные тульские улицы и совершенно изменило уличную суету.

—

Летняя ночь душною серою краской расплылась по тульским кривым улицам.

И отдохнувшая после работы публика с окраин снова устремилась к центру: в театры, в кино, в сады и клубы.

По панели, чуть-чуть пошатываясь, проходят обнявшись двое. Им весело. Они о чем-то горячо спорят, откидывая неуклюже в стороны руки.

Подойдя к углу, где стояла, опустив морду извозчичья кляча, один слабым, хриповатым голосом прокричал:

— Извозчик!

Извозчик высунул из воротника кафтана голову, протер глаза и ударил кнутом лошадь. Кляча, помахав хвостом, нехотя побежала.

— Куда прикажете?—сонливо пробормотал извозчик.

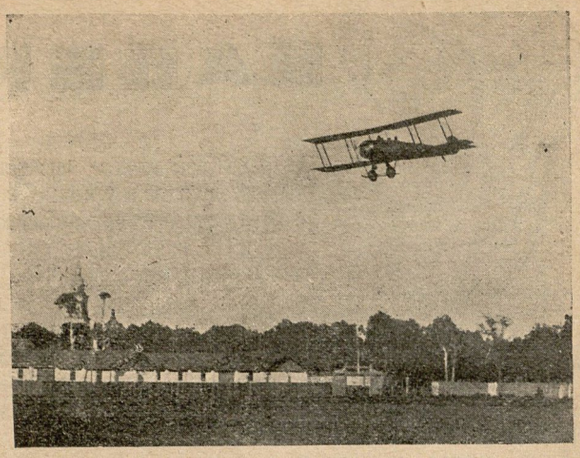
— Слушай, извозчик, сколько стоит на трамвай билет?

В ответ слышится грубая извозчья ругань.

Пьяные хулиганы, хлопая друг друга по плечу, не умолкая, хохочут. Извозчик повернулся и поехал на прежнее место поджидать случая. Их роль сыграна, они сошли с арены действия.

Так постепенно вымирает старое, примитивное, уступая место новому, рождающемуся, сильному...

Тульская авиошкола Осоавиахима

Школа готовит кадры гражданской авиации. На снимке: „спуск к посадке" самолета школы во время практических занятий.

„Есть контакт!" (Пуск мотора).

Вагон, несколько не доезжая, останавливается. Пассажиры вновь начинают волноваться:

— Опять несвоевременная остановка,—проронил кто-то, — Ах, этот тульский трамвай: и двигается как черепаха, и на каждом углу останавливается.

— Провинция, провинция, чорт возьми,—горячится кто-то в тамбуре.

Пусть будет так. Мы согласны с этим.

Пусть будет провинция.

НАПЕРЕКОР

Рассказ
М. Селезнева.

ВЕСНА стояла свежая. На грязных улицах города с утра щеголяли, поблескивая чернотой, грачи и суетившиеся вз'ерошенные воробьи. Ехали грузчики, громыхали телеги, шли люди, но птицы на это не обращали внимания, копаясь в навозе, по мостовой.

Люся любила весеннее утро, когда, казалось, городок убирался золотым налетом, и от труб кудряшками вился серый дым.

Люся стояла у окна и задумчиво следила за движением на улице.

— Ну, ты иди на кухню-то,—заговорила Варвара, выходя из кухни. Что мне одной топтаться день деньской, а ты тут под окном торчать будешь.

Варвара наступала все ближе и ехидно шипела:

— Волю взять хочешь, по углам ожиматься с комсомолом...

Люся оторвалась от окна, посмотрела на говорившую. Варвара стояла грозная, в грязном платье, с засученными рукавами по локоть, держала нож в шаршавой руке... Она была настойчивой и своенравной. Голос ее и тон вызывали у Люси ненависть к матери.

— Пожалуйте, возвращается как блудная дочь на рассвете,—продолжала Варвара.

Она, разгоряченная, повышала голос, трясла ножом над головой Люси:

— Я вот еще проучу того сопляка,—визжала Варвара. Тоже окромя штанов ничего не имеет... А жисть хотит строить по-новому...

— Мама!..

— Что, мама? Верно ведь!.. Туда же пришел, присватывается. Лекции начал читать. Больше чтоб его нога здесь не была!

Варвара зло бросила нож... он воткнулся острием в порог кухонной двери...

— Мама я скоро поступлю в ФЗУ—заговорила Люся.

— Знаем, как ты поступишь: там голышей не принимают, как ты... а жемчужинки... отбирают...—Да вот таких безбожных комсомолов, как твой Коля. Иди-ка ты лучше чистить картошку...

— Мама, довольно, у тебя всегда одно и то же,—не вытерпев, огрызнулась Люся, одеваясь... Подняв нож, она ушла в кухню. Подвязала фартук и принялась чистить картофель.

Люся взглянула через дверь кухни. Комната маленькая в солнечном свете казалась уютной и чистой. У стены стоял комод с зеркалом, флакончиками и коробочками. В углу у окна белела кровать, покрытая лет-

Варвара ехидно шипела.

ним одеялом. В изголовьи, пышные одна на другой—две с кружевной накидкой подушки. Это все составляло приданое Люси.

* * *

День проходил скучно и казался бесконечно длинным. Варвара не переставала бурчать и укорять Люсю в лени. Мир для Люси сузился.

Люся укутала шею шарфом, уткнула подбородок в воротник осеннего пальто, быстро пошла вдоль улицы, стуча каблуками о тротуар.

Свидание с Колей для Люси казалось простой и милой частью весны.

Люся, значит, уходишь от матери?

Чувство ожидания и тревоги неясно, но уверенно овладевало ею и она не знала, спрятаться ли в своей хатушке, или пойти.

— Но куда? За Колей?..

Она берегла в своей памяти все разговоры с Колей, его шутки, замечания по ее адресу.

— «Могу ли я в школу ФЗУ? Мой отец был рабочий, но пьяница; умер от белой горячки. Может быть по этому я не могу считаться хорошей дочерью рабочего»,—подумала Люся.

Подул неприятный ветер, зашуршали валявшиеся бумажки на тротуаре. Люся сжалась точно хотела спрятаться в своем пальто.

Она думала о своей жизни. Мать ее заела Не давала читать, оторвала от ученья. Одна за другой в воображении проходили подруги по школе... Застенчивый Коля... Экскурсии, поездки верхом по осенней дороге среди серозеленых, пропахших сухим клевером, полей. Снова умерший отец, дом, мать...

— А другим лучше живется,—вслух сказала Люся.—Учатся, работают, строят свой быт по-новому. Она перебирала все, что видели ее глаза.—А почему люди стреляются?—вдруг как-то невольно возник у нее вопрос.

— Нет, я не могу это разрешить... А вот Коля, тот бы сказал, почему. Он умный, много знает... А почему он так долго не идет?—подумала она, глядя вдоль слабо освещенной улицы..

— Для чего в самом деле жить?—снова она вернулась к мысли о самоубийстве.—Но ведь живут люди... Да эти люди другие,—продолжала рассуждать Люся.—Эти люди с квалификацией. Им все доступно. Ну, а таким как я...

Перед ее глазами назойливо вставала баночка с ядом, чем мать травила крыс Она вздрогнула, схватила себя за горло, будто кто душил ее. Но вспомнив, что она недавно подавала заявление в ФЗУ, почувствовала силу молодости. Грусть удалялась, тускнела... Вставала радость... стучала в сердце.

— Ой!—вскрикнула Люся, почувствовав, что кто-то схватил ее за плечи. Закружилось небо, бусами замелькали звезды...

— Что с тобой, Люся?—послышался звонкий голос Кольки.—Прости, я хотел тебя обрадовать.

Его сильные руки крепко сжимали ее плечи.

— Коля!—вскрикнула Люся и, уцепившись обеими руками за его шею, повисла болтая ногами.

— Люся, я хорошую весть принес. Тебя возьмут в школу ФЗУ.

— Коля! правда?

В радостном Люсином воображении промелькнул класс, смеющиеся ученики, тиски, чертежи .. И как бы из тумана этой картины выросла грозная фигура матери.

— Люся, значит уходишь от матери?—спросил Колька.

— Нет... Я не могу бросить мать... Я боюсь,—сдавленно прошептала Люся.

Оба замолчали. В воздухе почувствовалась сырость, проходящая сквозь пальто. Люся поежилась. Колька, не шевелясь, тупо глядел на землю.

Люся припала к Колькиной груди, тихо заплакала. Колька растерянно глядел ей в затылок.

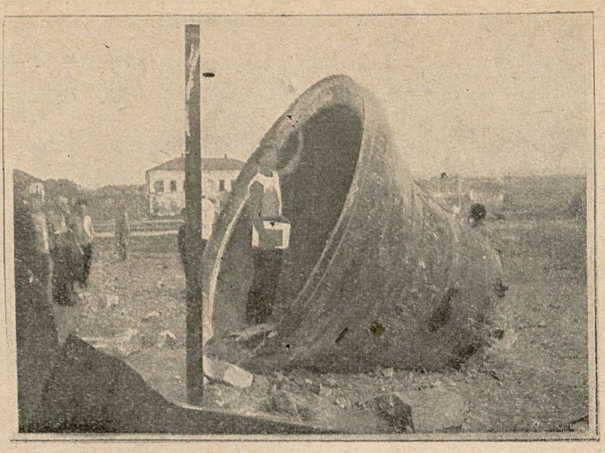
— Пойдем со мной, Люся. Вся наша комса коммуну устраивает. Ты будешь учиться, а я работать. Я помогу тебе...

Люся пожала руку Кольке.

На востоке белой полосой расстилался по горизонту рассвет.

Варвара не дождалась возвращения дочери...

Фото Громова.

Колокола на индустриализацию страны сняты с церкви в Скопине.

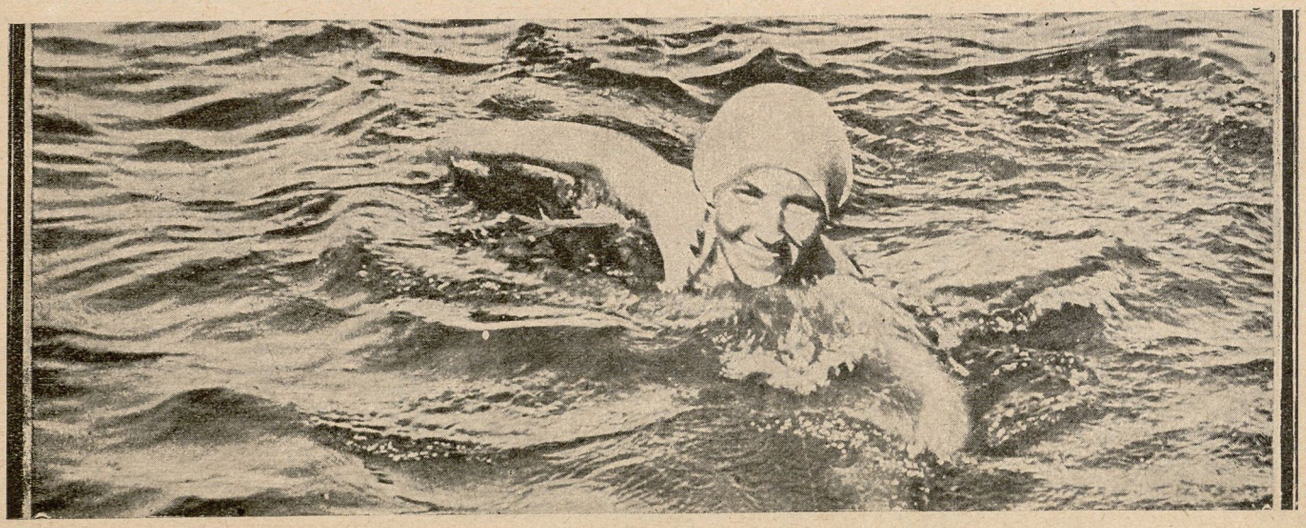
◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Прошу слова.

— Как в соснах сок,
энтузиазм во мне
бурлит,
клокочет
в каждой клетке.
Не потому ли,
что
гудит в стране
борьба высокая
под флагом пятилетки?
Стал стих
уверенней, стройней,—
ц чувствую:
крепнет слово.

Не потому ли,
что
завод в стране
ударно
пенит дым лиловый?
Звучу на всех—
не на одной струне,
и слово
мягко на изгиб.
Не потому ли,
что
вчера в стране
в песках
загрохотал ТУРКСИБ?

Ал. Ватажин.

Купанье.

Фото Розенберга.

ОГНИ НА ЗЕМЛЕ.

(Коммуна им. Сталина).

ОЧЕРК И. ВАСИЛЬЧЕНКОВА.

ДЕНЬ был ясный, солнечный. Пятнадцать километров проехали мы ранним утром хорошо, неспеша. Станция Горбачево Моск.-Кур. ж.д. осталась далеко позади. На всем протяжении по обеим сторонам проселочной дороги стеной волновалась цветущая рожь в перемежку с густой зеленью овса, клевера и розовой гречихой. Кое-где по паровому полю, ближе к поселениям, виднелся только что вывезенный свежий навоз.

— Вот и коммуна Сталина! Погодя, сами увидите все,—сказал мне крестьянин из другого села, подвозивший меня. Он остановил лошадь и попросил щепоточку табаку. Я слез с телеги.

— На всю округу об нем слух идет,— продолжал он.—Кавхозвиднейший. Жаркая у них работа. Там конюшню закатили... Она четырнадцать тысяч встает им... Слышь, товарищ... Тракторы обгонят лошадей, а на что им такая конюшня-то?...

Я ответил ему, что одно другому не мешает. Крестьянин уехал. Запомнив его замечание, я высказал его потом колхозникам.

— Чего зря болтать! Тракторы будут и лошади тоже будут. У нас сейчас 72 коня, один другого лучше, из них—два тяжеловоза и орловский чистокровный рысак. По 350 рублей за них заплатили, а содержали до сей поры в сараях. Нешто это дело? Правда, когда будет много тракторов, то лошадей понадобится меньше, но разве мы не знаем, что делать? Перегородим конюшню и в одну половину загоним коней, а в другую — тракторы. Такая же конюшня стальным коням! Прочная, вековая. Разве за стальным-то конем не нужен уход?

***

В коммуне был день отдыха.

Парни сидели на солнце и балагурили, а более пожилые, собравшись около избы председателя совета коммуны тов. Локтионова, спокойно и весело шутили над бедняком сапожником, вышедшим из колхоза под влиянием зажиточных родственников. Он стоял в кругу коммунаров. Пропивая свой последний заработок, он остался «сапожником без сапог» и ругал и родственников и колхозников.

— Это у него вошло в привычку,— замечают коммунары.— Гляди, идет старикан, член нашей коммуны. Пиджак на нем с иголочки, бобриковый, сапоги, фуражка—что надо! А ты—бос, даром что сапожником называешься. У нас бы и ты был обут.

К дому в самом деле подходил коммунар, кряжистый, спокойный, с рыжей поседевшей бородкой. Его тотчас раза три повернули задом наперед перед босоногим бедняком.

Факты убеждали лучше всяких слов.

***

Колхоз имени Сталина возник 3-го декабря 1928 года в числе 12 семей. Организаторами его были члены партии — крестьяне. Вначале колхоз принял устав с.-х. артели, а летом 1929 года, по постановлению колхозников, принял устав коммуны. За полтора года он об'единил и теперь имеет 104 семьи (405 душ—членов коммуны). Он настолько окреп, что стал одним из самых организованных и примерных в Тульском округе.

С прошлой осени коммуна широко открыла двери беднякам и середнякам и насчитывала минувшей зимой 138 семей. В «отлив» ушло только 34 домохозяина и те сейчас сожалеют о том, питая скрытую зависть к дружной жизни коммунаров и небывало успешному строительству коммуны.

На снимке: коллективный выход коммунарок в поле на прополку огородов.

Коммуне вредили кулаки. Покушались на жизнь руководителей. Кулак Камышев расстроил мельницу коммуны, украл необходимые части механического двигателя. Но коммунары сломили кулаков.

Живут колхозники в кирпичных одноэтажных домах, крытых большей частью соломой. Коммунары усиленно готовятся к сооружению общего большого дома. На постройку его пойдут кирпичные стены их теперешних жилищ, часть бревен и доски.

Строительство в коммуне развернулось так, что нехватает рабочих рук. Идет к концу постройка огромной конюшни (70×10 метров) из нового леса под железную крышу. Конюшня рассчитана на 100 лошадей. 10-го июля начнется постройка общей столовой на 250 чел., конторы и красного уголка. На постройку столовой отпущено 32.450 рублей.

Разломаны, переброшены и уже наполовину возведены пять домов из соседнего поселка вновь вступивших в коммуну крестьян—бедняков (на 14 семей).

Коммуна централизуется.

В деревянном домике оборудован детский сад. Около шестидесяти человек детей с утра до вечера находятся в детсаде. Здесь они питаются, играют и отдыхают под наблюдением воспитательниц — коммунарок. В детсаде на время уборочной кампании (с 15 июля) открыты будут детские ясли для грудных детей. Заново ремонтируется избачитальня с проведенной в нее радиоустановкой.

Предприимчивость этой организации поражает вас. Мало одного двигателя, который комбинированным приводом одновременно приводит в движение и мельницу, и шерстобитку, и лесопилку,— они 15 июня привезли еще один локомотив в 25 лош. сил и установили его в другой своей мельнице с крупорушкой, образуя таким образом коммунальный мельничный комбинат, обслуживающий уже теперь всю коммуну и крестьян-единоличников из прилегающих к ним деревень.

***

На утро большезубая дисковая пила уже грызла бревна, тряслась и гудела мельница, стучала шерстобитка, заглушая песни девушек-колхозниц, работающих на ней. Грохали звеня топоры, пели пилы и все это наполняло каким-то своеобразным громом поселок коммуны.

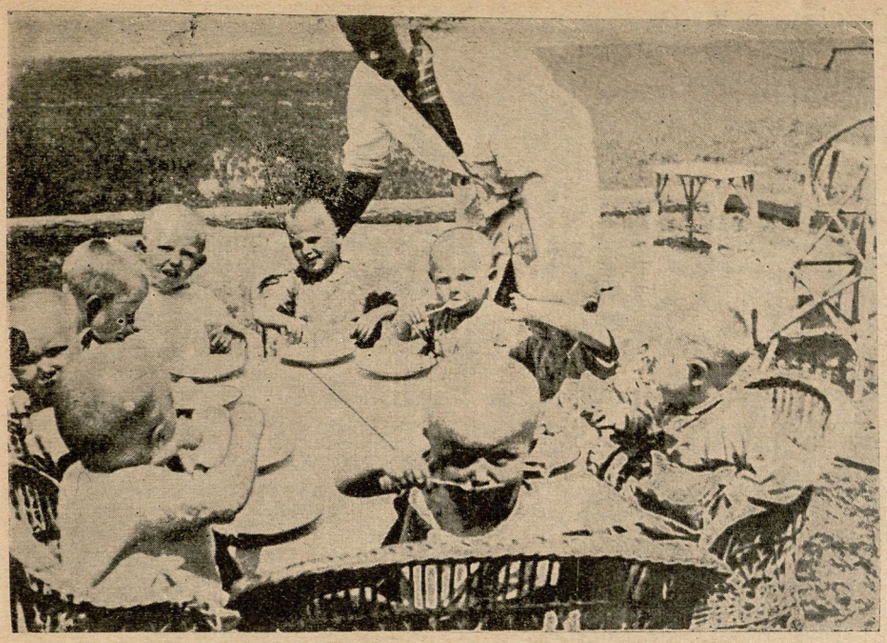
Здесь несут все на своих плечах. В печи, вырытой в земле вблизи пруда и внутри оцементированной, заложено 320 центнеров известкового камня (готовится своя известь для скрепления новых фундаментов и штукатурки стен). Рядом в 40—50 метрах выкопана силосная яма, заложено в нее и покрыто земляной крышей 11 тонн зеленого корма на силос. Это их первый опыт по силосованию. Для изготовления нового силоса коммуна засеяла 4 гектара подсолнечником и 4 — кукурузой. Последняя, к сожалению, погибла от поздних заморозков, погубивших также значительную часть огородных культур и опустошивших больше половины фруктовых деревьев.

ОКУРИВАНИЕ ОГОРОДНЫХ КУЛЬТУР. **Фото Громова.**

На силос пойдет подсолнечник, картофельная ботва и крупные мясистые луговые травы. Если силос удастся, скот здесь будет иметь уже в осень около 11 тонн питательного корма, помимо клеверного сена и озимой и яровой соломы.

Скота в коммуне много. В прошлом году не было ни одного поросенка, а сейчас — 125 голов свиней (с молодняком), из них 18 породистых маток и 9 произ-

ДЕТЯСЛИ В КОЛХОЗЕ. В колхозе „Путь к социализму" открыты детские ясли. Колхозницы сдают детей на весь день, так что после полевых работ женщины могут использовать свободное время для собственного отдыха.
На снимке: ребята в яслях за обедом.

водителей — хряков (имеются экземпляры чистокровных иоркширов), 300 голов овец, 160 голов телят и 80 дойных коров.

Большинство свиней-маток супоросны. Две из них на-днях принесли колхозу 20 штук породистых поросят. Они — не в счет 125.

Указывая на свиней, руководитель коммуны тов. Локтионов правильно заметил:

— Вот фундамент для коммунального дома! Вот наша копилка!... К тому же 10000 шт. кирпичей уже закупили и вывозим...

Весь строительный лесной материал (парк целиком) закуплен был на наличные деньги за 2000 рублей и заблаговременно по зимнему пути уже был свезен к месту построек. Бревна лежат покотом. Будучи ошкуренными, они как золотые блестят своей светло-желтой массой на весеннем солнце.

* * *

Коммуна утонула в пышной зелени садов и лиственных деревьев декоративного значения.

У другого пруда, в тишине яблоневого сада, расположена пасека из 60 ульев. За пчелами ухаживает старик-пчеловод, член коммуны, который тут же на пасеке и живет. Он знаком со столярным делом и сам починяет старые ульи.

Приближается роение.

— Вон тот девятый, шеснадцатый, тринадцатый и сорок восьмой с часу на час должны зароиться, — замечает пчеловод, внимательно оглядывая ульи.

Пасеку завели только этой весной. Половина ульев—колодные. Пчеловод повел меня к амбару, отпер его. Внутри амбара нагромождены друг на друга новые рамочные ульи.

— Вот вчера получили от пчеловодсоюза по контрактации сорок ульев, но они хоть и новые, а нисколько не лучше старых: грубы, сделаны кое-как, потрескались, разъехались по швам. Нешто это ульи? А цену загнули по 10 рублей за каждый. Мастера тоже!

* * *

Коммуна имени Сталина в боевой готовности к уборке урожая. Двенадцать новых жаток-самосбросок, четыре сенокосилки и трое конных граблей наготове.

— В десять дней всю озимь до одного колоса уберем,—заявляют сталинцы.

Отсутствие сноповязалки поставит на трудную работу по вязке снопов 80 женщин-колхозниц.

Вся рабочая сила коммуны по примеру минувшей весенней посевной кампании, на уборочный сезон разбивается на бригады с прикреплением соответственной тяговой силы с применением сдельщины.

Наличие одной полусложной молотилки заставило их сделать срочный заказ на одну сложную молотилку, так как одними яровыми коммуна засеяла свыше четырехсот гектаров, перевыполнив посевной план на 19,3 процента. Заодно дан заказ на два трактора. Имеющийся в коммуне трактор не успевает обслужить всю пахоту, косьбу и молотьбу. Приходится значительную часть этих работ выполнять на лошадях.

* * *

Коммуна перешла на ежемесячную выплату заработка всем трудоспособным своим членам в размере 50 проц., согласно установленным разрядам, оставляя другую половину зарплаты до реализации нового урожая.

Нетрудоспособным членам семей определена годовая ставка из фондовых сумм в размере от 20 до 50 рублей в год, в зависимости от возраста.

Поздно вечером мне пришлось беседовать со стариком, членом коммуны.

— Что поделываешь, дедушка? — спрашиваю его.

— Ничего.

— Как же, говорю, так ничего? Все-таки?...

— Да ничего... Мне, сынок, ведь уже семьдесят лет. Отработался, глазами плохо вижу. Намедни грабли им всю неделю делал новые. Так за пятьдесят штук—двенадцать с полтиной это само собой получу... А так ничего не делаю.. Стар стал...

* * *

Имущество коммуны оценивается в 600 000 рублей. Коммуна так разрослась, что имеет вроде сектора — хутор (Скородный) в пяти километрах, в бывшем поместьи крупного торговца Харитонова, быв. управляющего у помещика Рембилинского. Здесь живет 30 семей коммуны Сталина.

Частью свиноводства (46 свиней) и пчеловодства (40 ульев) ведает этот сектор колхоза.

Стройка здесь так же развернута, как и в центральном хозяйстве коммуны. Десятки тысяч кирпичей аккуратно сложены в штабели. Производится закладка каменного фундамента под образцовый скотник (40×6 метров), рассчитанный на 70 голов коров. Особо лежат два штабеля кирпичей, приготовленных на постройку школы.

Коммунары выгнали торгаша и оборудовали в его доме себе квартиры. В доме выселенного священника открыли общую столовую и навсегда освободили в своей среде женщину от чугунов, горшков и ухватов. Завтраки, обеды, ужины—в столовой.

Скот на хуторе содержится в хороших условиях. Как свиньи, так и лошади и рогатый скот размещены в каменных сараях бывшего торговца.

В зиму весь скот будет переведен: кони в новую центральную конюшню, коровы в образцовый скотный двор, свиньи в специальный свинарник, который начнут строить здесь 20 июля (на 75 голов свиней).

Уехал я из этого колхоза с полной уверенностью, что эта организация переживет все. Ей теперь не страшны никакие стихии.

Колхозное движение может подниматься к высшей форме—к коммуне—в соответствии с повышением технической базы, ростом колхозных кадров и культурного уровня колхозников при непременном условии признания самими крестьянами соответствующих изменений в уставе и их осуществления снизу.

(Из резолюции XVI партс'езда по докладу т. Яковлева «Колхозное движение и под'ем сельского хозяйства»).

„КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА". фото Розенберга.

Выступление писателя Киршона.

За последнее время появился ряд литературных произведений, которые прямо направлены против нашей партии, против политики пролетариата.

Теснимое кулачество, теснимая буржуазия создают, выдвигают свои кадры, и эти кадры на всех участках пытаются сопротивляться, при чем это происходит в полной связи с обострением борьбы против нас реакционной части интеллигенции. Именно потому, что основная масса интеллигенции пошла уже вместе с пролетариатом, часть буржуазной интеллигенции на идеологическом фронте начинает бешено сопротивляться.

Для характеристики настроений реакционной части интеллигенции тов. Киршон приводит ряд выдержек из различных произведений.

Вот что говорит, например, проф. Киевского техникума Ковалевский. Он об'ясняет, видите ли, как будто невинную вещь, что собой представляют алгебраические скобки при разрешении задачи. Как же он об'ясняет это дело? «Скобки, —говорит он,—это большевики, нарушившие общий порядок. Если бы не было этих скобок—большевиков,—задача была бы разрешена».

Ученики сказали ему: «Позвольте, уважаемый профессор, но большевики не нарушили, а установили порядок». «Да,— согласился профессор,—но большевики упразднили старую и установили новую систему господства. Подчинение начиналось раньше от генерала и кончалось нижними чинами. А у большевиков все подчиняются нижним чинам».

Профессор не может простить большевикам, что у них система нарушена— все подчиняются нижним чинам. Эти господа начинают чувствовать политику переустройства нашей страны и в своих лекциях начинают кричать: не нужно политики, не нужно забивать студенчеству голову политикой. Зачем нам политика? Долой политику!

Другой профессор—Ширенко заявляет: «Кулаки на селе умирают с голоду, и ликвидировать их,—значит добивать голодных людей, которые давно уже не кулаки, а беднее незаможника».

Вот вам и «долой политику»!

Ликвидируемое кулачество, сопротивляющееся бешено с обрезом в руке, выдвигает своих авторов, которые в области литературы также бешено сопротивляются политике пролетариата.

Недавно вышла книжка некоего Куклина. Называется она «Краткосрочники» и в ней описывается Красная армия. Как он описывает Красную армию? Оказывается, командир роты пьянствует, проживает свой револьвер, освобождает от нарядов тех, кто его покрывает, назначает в наряды тех, кто идет против него. Казарма изображена так, как Куприн в свое время изображал царскую казарму. И не случайно бешеным восторгом встретила эту книжку заграничная печать.

Нужно сказать, что мы в этой области иногда бываем слишком либеральны, слишком мягки; многие наши товарищи слишком легко относятся к таким вещам: «Ну, что же, написал писатель, подумаешь, какое это имеет большое значение»! Наш Главлит иногда пропускает такую литературу, которой нигде не место в нашей стране в эпоху обостренной классовой борьбы.

Есть такая группа «Перевал», которая выдвигает в ответ на лозунг партии о ликвидации кулачества как класса лозунг гуманизма и человеколюбия. Теоретики этой группы заявляют, что вся советская литература «течет единым потоком», т. е.—на литературном языке — врастание кулака в социализм.

Говорят—не пред'являйте к писателям требований политической выдержанности; писатель, видите ли, стоит над политикой, над миром; это—талант, стоит ли к нему пред'являть требования политической выдержанности.

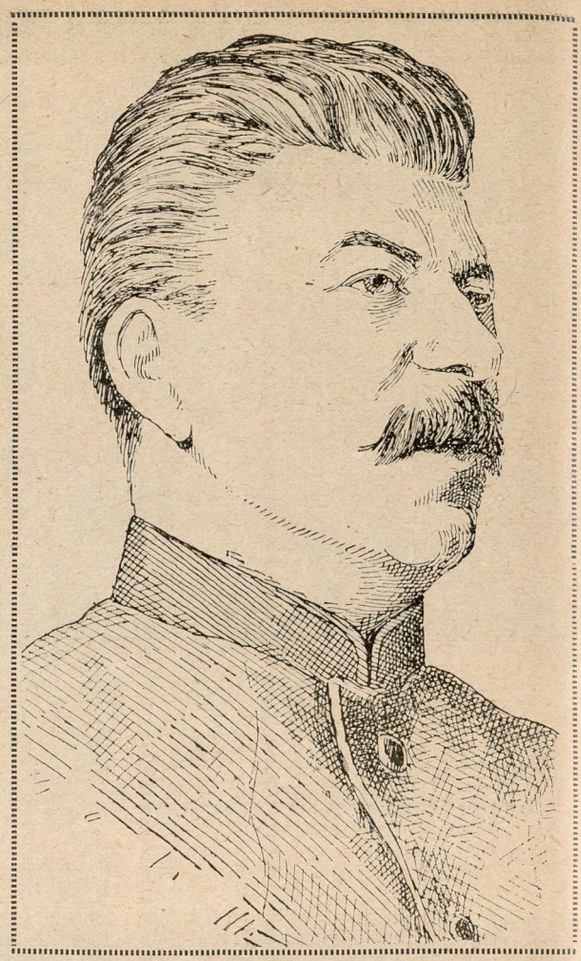
Надо сказать прямо, товарищи, что пришло сейчас время, когда ко всем слоям советских писателей требование политической выдержанности надо пред'являть (аплодисменты), а особенно это нужно по отношению ко всей массе попутчиков.

Отдельные писатели-интеллигенты считают до сих пор, что их роль в современной литературе заключается в «оправдывании» большевиков, в «оправдывании» революции. Они ничего, кроме смеха, вызвать не могут, они не видят, что классы перестраиваются, создается новое общество, которое в их «оправдании» не нуждается. Мы должны прямо сказать этим товарищам,—если хотите действительно быть не только чтецами, а участвовать в нашей стройке, вы обязаны сами перестраиваться, сами перевоспитываться, чтобы давать нужное чтение для пролетариата. Наша эпоха дает такой замечательный материал для творчества, какой не давала ни одна эпоха. Когда мы приезжаем на места, смотрим гигантскую социалистическую стройку, мы чувствуем, что наши перья не в состоянии охватить всего героизма нашей великой эпохи, всего героизма нашей мощной стройки, мы чувствуем, что герои, настоящие будничные герои, строящие социализм, они на самом деле гораздо ярче, чем наши герои, которых мы описываем в наших произведениях.

Но у нас есть и значительные достижения. Можно сказать про шествие рабочих писателей, которое идет в наших организациях, словами поэта Кириллова: «Они растут, как крепнущий прибой,— тяжелые рабочие шаги».

Теперь, товарищи, необходимо остановиться на нашей литературной политической борьбе. Здесь мы под руководством ЦК проводили борьбу с правым уклоном и с левыми уклонистами. Мы дрались против переверзевщины под руководством партии, мы дрались против «Перевала», мы дрались против группы «Настоящее», которая отражала там в своеобразной форме левые перегибы в нашей партии.

Имеется 60 произведений пролетарской литературы, написанных за этот период.

Генеральный секретарь ЦК ВКП (б) И. В. СТАЛИН.

Это еще очень мало, и мы это великолепно сознаем. У нас еще недостаточно высок уровень марксистского мировоззрения, мы еще недостаточно усвоили метод диалектического материализма. Все это мешает по-настоящему развертывать наше творчество.

Если, товарищи, раньше господин Троцкий заявлял о том, что пролетарская литература вообще существовать не будет, и в самом деле тогда попутнический отряд был главным отрядом в литературе, то сейчас мы, товарищи, заявляем прямо: пролетарская литература есть основной отряд литературного фронта, и пролетарская литература идет, выполняя директивы Центрального Комитета партии, гегемоном литературы. Это бесспорный факт.

Мы, товарищи, заявляем вам, что будем на нашем участке особо свирепо подходить ко всем проявлениям правого уклона и буржуазной опасности. Буржуазная опасность и правый уклон— примиренческое отношение к буржуазной опасности—далеко не изжиты. И выступления т. Рыкова и т. Томского нас в этом целиком убеждают. Ведь очень мало того, как сделал т. Рыков,— отречься от Бухарина, нужно доказать, что ты не бухаринец. Этого Рыков не сделал. И поэтому мы на своем участке литературно-политического фронта будем всячески бороться против правого уклона и против левых загибов.

Мы обязуемся все наши замечательные успехи в нашей героической работе посильно отразить в литературе, и мы обязуемся в нашем творчестве, в нашей работе провести резолюции XVI с'езда партии, принятые вами здесь. (Аплодисменты).

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ЦЕХ.

ОЧЕРК КОСТЕВА.

КОГДА он грузно проходил по мастерской, покрытый серебристой металлической пылью, в его сторону оборачивались все. Из-за черных громадин станков на него устремлялись десятки взоров. Одни выражали сочувствие, другие--недоумение, третьи--нескрываемую злобу.

За его спиной падали нарочито громко сказанные слова:

— Соревнователь! Народ мутит понапрасну, силы у товарищей выкачивает. Ни себе пользы, ни другим ..

... Алешин один из первых в оружейном заводе взялся за организацию ударной бригады. Никто в заводе тогда не знал толком о социалистическом соревновании: опыта не было. Долгими бессонными ночами Алешин ломал голову, стараясь заглянуть вперед, выхватить из будущего пути работы ударной бригады...

В этом ему помог, наконец, заводской слет ударников. Изо всех уголков завода сошлись люди поделиться крупинками опытов и вместе наметить пути, по которым должна греметь строительная поступь ударных бригад.

Вернувшись после слета в свой цех,— сборочный цех машиностроительной мастерской,— Алешин уверенно и твердо повел свою бригаду. Но он решил не останавливаться на одной этой бригаде; перед ним распахивался широкий горизонт, и дорога была ясна.

Алешин решил весь цех сделать ударным.

Это было не легко. Алешин доказывал, убеждал, окружал десятками доводов колеблющихся. Весь обеденный перерыв маячила по мастерской его грузная фигура. Обедать было некогда: не до того.

И Алешин победил. Кипучая энергия Алешина подняла цех. Цех перешел на ударную работу, перешел на боевые, большевистские темпы.

Из углов мастерской подымалось презрительное шипение:

— Алешин мутит честных людей. Горяч больно! Осадить надо.

Алешин старался не замечать этого шипения. Но оно ползло.

Алешин оставлял инструмент и медленно шел в дальний конец мастерской. Мимо него один за другим проплывали силуэты станков, тех станков, из которых каждый знаком до мельчайшего винтика...

Опираясь руками на обитый черной клеенкой стол, в которой отражался осколок чернильницы и карандаш, он говорил секретарю ячейки:

— Я думаю: нет ли у меня ошибки? Не слишком ли я горяч? Раз'ясни,—меня беспокоит эта мысль.

Секретарь ячейки — худой, утомленный парень - подымал серые спокойные глаза. Помолчав, улыбался и клал руку на плечо Алешина.

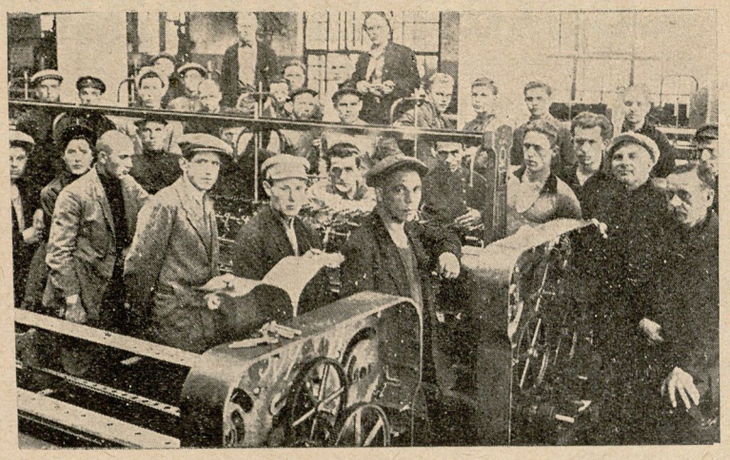
— Ты хорошо действуешь, Алешин. И я тебе говорю: у тебя нет никакого уклона...

Алешин выходил в мастерскую веселым и молодым, точно не ему стукнуло сорок лет, точно не за его плечами стояли 26 лет производственного стажа.

***

На цех глядела вся мастерская. Он стал точкой, приковывавшей общее внимание; он сделался центром всех разговоров.

Те, которые бросали по адресу Алешина: «Осадить надо», — язвительно посмеивались:

Бригада у собранных машин.

— У них на ударность пороху нехватит, вот что! Попомните мое слово...

Январь подходит к концу. Алешин был суров и замкнут. Тревога бороздила его лицо, сразу осунувшееся и постаревшее.

... 28 ... 29 ... 30 ... 31 января ..

Подсчитали. Цех сделал 21 машину, а нужно было сделать 28. Месячная программа осталась невыполненной.

Враги ударных темпов работы ликовали:

— Я ж вам говорил, что они засыпятся с своей ударностью! Так оно и вышло...

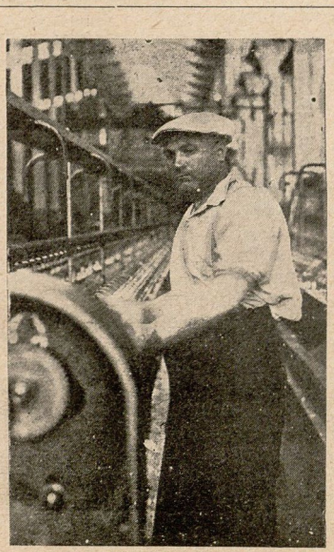
И они, довольные, бежали дальше передавать новость.

...— Ничего, ребята, наверстаем,— говорил Алешин каждому ударнику цеха. Но морщины на его лице не разглаживались, и в голосе звучала тревога.

— Как наверстать? Как сделать, чтобы весь цех стал работать действительно по-ударному?

Алешин решил разбить цех на отдельные бригады и об'явить между ними соревнование.

Разбились. Став бригадиром, Алешин вызвал соседние бригады машиностроительной мастерской на соревнование и с головой ушел в работу, стремясь выдвинуть свою бригаду вперед.

Ударник Алешин за сборкой машины

Машиностроители потребовали от администрации и других мастерских, готовящих детали для ватермашин, также повысить темпы в изготовлении частей, чтобы полностью обеспечить сборку ватермашин. Вызов был принят. Но сборный цех скоро столкнулся с множеством неполадок.

Машиностроители, по инициативе сборочного цеха, решили буксировать, т.-е. беспрерывно подтягивать за собой отстающие литейную, модельную и текстильную мастерские, изготовляющие детали для машиностроительной мастерской. С этой целью было решено созывать технические совместные совещания всех этих мастерских. Тут уж была развернута самая подлинно бичующая пролетарская самокритика. Всякие отговорки, ссылки на «об'ективные причины» встречали яростный отпор. Находились реальные пути выполнения взятых мастерскими на себя обязательств. Каждый случай застопоривания служил толчком к немедленному созыву об'единенного технического совещания. Совещания предупреждали возможные случаи, грозящие провалить взятые обязательства. Они подтягивали отстающих, и дело спорилось.

В феврале бригада Алешина (5 человек) сделала 5 машин. Остальные бригады дали по 4 машины.

Бригады стали подтягиваться, стараясь догнать алешинскую пятерку.

В марте бригада Алешина дала уже не 5, а 6 машин. Остальные бригады дали по 4½ машины. Программа мастерской была выполнена полностью.

Бригады продолжали итти вперед. Пятерка Алешина стала давать по 7, а остальные бригады - по 5—6 машин в месяц.

В апреле и мае ударный цех в подарок XVI партийному с'езду сверх программы сделал 8 ватермашин.

Вместе с тремя старыми производственниками — Демидовым, Пушкиным и Гусевым—Алешин пришел в ячейку.

— Мы вместе подаем к вам заявление,— сказал он, протягивая секретарю листок бумаги.— Нам дорого то дело, за которое борется партия. Победы партии — наши победы. Наши победы— победы партии ..

***

... Ударный сборочный цех награжден красным знаменем. Завком оружзавода ходатайствует о представлении Алешина к ордену Трудового Знамени.

Стихи Сергея Володина

СЕРГЕЙ ВОЛОДИН. *Рис. худ. Приезжева.*

УДАРНИКАМ

Сила не в парадах—
Меньше слов.
Ударная бригада,
Расти числом.
Энергия нынче
Велика.
К тебе сердцем привинчены
Фабрика.
Вырвем рвачество
Из цехов.
Бейтесь за качество
Тверь и Псков.
Силой синеблузых,
Каждый завод
Сегодня нагрузим
На полный ход.
Ударная бригада,
Отдаст станкам,—
Упорство баррикадную,
Ловкость клинка.
Девушек и парней—
Лучших ударников.
Красная доска их
Взгляд ласкает.
Мы в соревнованьи.
И каждый богат
Великим звеньем
Ударных бригад.
Прокопченному в гаре
и в боях,
Тебе, пролетарий,
песня моя.
Сила стиха—
Бодрость фраз,
Влей в цеха
Энтузиазм.
Рассей взрыв строк,
Сомнений туман.
Выполним в срок
Промфинплан.
Каждый руками
И силой богат.
Выше знамя
Ударных бригад.

***

Не сила гранат—
Энтузиазм нам дан.
Расти страна,
Лучшая
Из стран.

НАЧАЛО ЗИМЫ

Александру Лесному

Ежатся люди
в поношеном драпе,
В цельсиях ртуть
сжимается стужей.
Где с кровель
недавно
дробины капель
В свинцовые падали лужи.
Панели лоснятся
в суетном танце,
Рычат автобусы,
покрытые глянцем.
Пальцы в лайке
стынут, синея,
И мехом витрины
давно пламенеют.
Рвет вывески ветер
упругою силой,
Прохожим
и коням
сдавит дыханье.
И снега сугробы,
как груды опилок,
В еще неотстроенных зданиях.
Обшиты карнизы
сосулями кружев,
И скованы улицы
нервною стужей
Где сотни работали
бронзовых рук,
Железным скелетом
застыл виадук.
Щетинится инеем—
мерзлый камень,
И город горит
в афишной рекламе.
Пасмурно в комнатах,
в людях тоска,
Так о мещанах
сказал бы поэт.
Но читатель мой
до открытия катка
Закупает
сезонный билет.

РЕКОНСТРУКЦИЯ НАСЛЕДСТВА

Энтузиазм, врасти
в заводский грохот,
Расти,
как в годы бедствий.
На нас
возложена эпохой
Реконструкция наследства.
Пусть стонут маловеры:
«Ваш вылез конь из кожи
И с этакой манерой
Погибнет в бездорожьи».
Но, их мыслям вопреки,
Будет бит их козырь.
Отремонтируем фабрики,
Пустим паровозы,
Вопреки всем уклонам
Энергия не тускнет.
Оружейник, патронник,
Напрягите мускулы,
Сгоним лень,
как с поля соху.
В реконструктивную эпоху
Пусть будет
для нас кладом
Ударная бригада.
Отсохнут брак, прогулы,
Как сухие ветки.
Пролетарий Тулы,
В четыре—пятилетку!
Вопреки всем уклонам
Энергия не тускнет
Оружейник, патронник,
Напрягите мускулы!
И для тех,
кто с нами,
В соревнование сегодня.
Впервые, как знамя,
Я стих свой поднял.
Не рекламные слова,—
Реальное дело.
Должны все провалы
Ударно заделать.
Отсохнут прогулы
(Не мечты поэта).
Пролетарий Тулы
Сделает это.
Вопреки всем уклонам
Энергия не тускнет.
Оружейник, патронник,
Напрягите мускулы.

БОЛОТО ТРАДИЦИЙ

... Вы из домны революции шлак,
Вы пепел сгоревшей эпохи.

Душною краской
и пепельно серой
Ночь расплылась
по бульварам
и скверам.
Парашютом,
над крышею
виснет туман.
Где грустью джаз-банда
зовет ресторан.
Где не разбито
традиций корыто
И даже в почете
гусарская похоть.
Где дышат
зловония
сгнившего быта
И живы
наследия
старой эпохи.
Где
заглушил все
шум ресторанный.
Где люди пусты,
как тени
экранов.
Где по рассвет
посиневший
и жуткий
Им продают
любовь
проститутки.
Но время придет.
Его шаг
уже четок.
Их расклюет,
как слизней,
птица.
Товарищ читатель,
в быту
иссушим болото,
Болото
традиций.
Товарищ читатель,
слово поэта
поможет тебе
У поколенья
вырвать
наследия куст.
Реконструкция эпохи
требует
и
Реконструкции чувств.

О стихах Сергея Володина.

(В порядке обсуждения).

ПОЭЗИЯ, которая наиболее отвечает потребностям породившей ее социальной группы, является в то же время наиболее полновесной, наиболее действенной поэзией.

Если с этой мерой мы подойдем к первым произведениям несомненно способного молодого поэта Сер. Володина, то ничего здесь, кроме изжеванных и десятки раз переваренных Орешиными, Клюевыми картинок сытой «рассейской» природы, не найдем:

Степовая тишина,
Степовой покой...

Как это непохоже на напоенную классовой борьбой советскую деревню!

Дальше «тишину» сменяют «камыши», «голубые небеса», под которыми пускает слезу «серебристая роса», розовеет «родимый край» Словом, рай на земле! С кем бороться?! Зачем бороться?! Где гроза?!—изумленно воскликнул бы Володин в ответ на заслуженные упреки в ненужности, никчемности и бессмысленности такой «неклассовой» поэзии, не зовущей читателя к борьбе, безжизненной, отдающей мещанским душком.

«Первая попытка!»—скажет кто-нибудь. Может быть. Но факт остается фактом.

* * *

Позднее Сергей Володин бросает свои «стеновые покои», начинает ближе подходить к жизни. Четыре стихотворения второго периода творчества С. Володина, об'единенные заголовком «Крушение эпохи», несомненно, более серьезны.

В первом стихотворении—«Ночной бой».—автор хочет показать, повидимому, эпизод из гражданской войны. Не жалея образов и красок, он развертывает перед нами картину боя:

... Люди в папахах
животно кричали.
Каметным хвостом
взлетали ракеты,
И люди,
и кони
Бегли в исступлении»...

Все это—куда ни шло. Но вот одно, самое главное, самое нужное: Кто, с кем и за что борются? Какая-то неразбериха, венигрет из образов, теней, света... И только под конец

... вошла безопасно,
Под марши (?)
дивизия красных.

Если бы не это «примечание», «Ночной бой» мог бы оказаться и «отечественной войной», и мировой войной, и вообще боем! Можно ли пролетарскому поэту классовую сущность своего произведения об'яснить в примечании?!.

После того, как Володин «сжег эпоху», он приступает к описанию «пепла эпохи», в качестве которого у поэта выступает «не убитый годами» Керенский, которого

... смел,
как листву,
Октябрьский хаос»...

Октябрьская революция, ставшая знаменем веков, подготовлявшаяся десятки и сотни лет, Октябрьская революция, по-Володину—хаос! «Александр Федорович» у Володина вовсе не враг Советского Союза, обливающий нас потоками клеветы, а тихий, жалостливый человек, который мечтает «о России и о балтийских туманах:

...изливать нам
о вас
тоску ли?

— Ставя такой вопрос Володин, сам того не зная, великодушничает перед Керенским.

Кто и против кого идет в поход в стихотворении «В поход» Сергея Володина?

Кто?—«Мы»—говорит Володин, а получается—«я».

Против кого?—Против людей, которые «На томненькие вздохи, на пьяненький фокстрот сменяли и эпоху, сменяли и завод». Большая ответственность за слова, ибо вряд ли действительно рабочий сменит на фокстрот завод.

Поистине в болото попал поэт в своем стихотворении «Болото традиции», где автор обрушивается на «корыто традиций». В самом деле, неужели у нас есть такие места, где

... заглушил все
шум ресторанный...(?!)

Тематика Володина—неглубокий подход к делу, погоня за формальными достижениями. Отсюда и «все качества». Володин говорит:

Мы —
сплоченный пролетариат!

Но этого пролетариата в стихах Володина не видно.

Оторвавшись от пролетарской тематики, от завода, от комсомола, гонясь за формой, отбросив на последний план содержание, классовую сущность произведений, не оказались ли вы, товарищ Володин, крича о корыте традиций, сами у разбитого корыта?

* * *

Два стихотворения Володина—«Музыка нашей стройки» и «Стройка»—говорят о том, что Володин—далеко не «конченный» поэт: он может жить с эпохой, с рабочим классом, ибо он, прежде всего, сам рабочий. В стихотворении «Музыка нашей стройки» образно и реально переживает автор музыку такой, кажется, обыденной, но по-новому выглядящей стройки:

Не струнной
тоской виолончелей
Я песню свою вдохновил, —
Бодростью
вешних капелей,
Музыкой
плотничьих пил.

Это хорошо, товарищ Володин, что вы отходите от «томненьких вздохов» и «тоски виолончелей», на которые вы чуть не променяли звание пролетарского поэта.

В стихотворении «Стройка» Володин несомненно хотел показать нашу стройку, но получилась у него стройка вообще, где

... Когда поржавеет лето,
Когда роща
листья уронит,
Строительство выполнит сметы,
Биржу покинет
сезонник.

Перед нами встает вопрос:

— Почему Володин, пролетарий кость от кости, комсомолец,—почему он только и сказал о пролетариате «вообще» «Мы—пролетариат»?

— Почему Володин, прикрываясь фиговым листком формы, прячет себя от завода, стройки, быта рабочего класса, комсомола?

— Почему Володин, изливает тоску, кричит о бульварах и ресторанах и умалчивает о самом существенном, самом важном—о борьбе.

Вот эти-то идеологические срывы и делают из пролетарского поэта—поэта мещанской трусости, поэта-обывателя, поэта—«вообще». «Внешнее — от образов густо, а под внешностью—пусто»,—вот что можно сказать относительно творчества поэта.

А. Безымянный.

„Ахиллесова пята“ в творчестве М.Кольчугина.

КАЖДОМУ писателю (часто независимо от его социального происхождения) всегда присуща определенная идеологическая целеустремленность (классовое мировоззрение). Во всей мировой литературе нет ни одного значительного художественного произведения, на котором можно было бы показать аполитичность писателя.

Аполитичной (бесклассовой) художественной литературы не существует, и она не будет существовать на земле до полного разгрома мирового капитализма, до полной ликвидации классового общества.

Писатель художник всегда являлся и является активным борцом, вдохновенным строителем и во многих случаях идеологическим вождем своего класса. Поэтому пролетарская критика каждого писателя всегда и прежде всего взвешивает на весах классовой идеологии. Кому служит данный писатель? интересы какого класса защищает он в своих произведениях?

И только после этого разбирается стиль письма: композиционные и формальные достижения.

Конечно, каждый пролетарский критик имеет полное право сам для себя установить свой порядок и подход для разбора критикуемого им художественного произведения, но никогда классовая ценность (идеологическое содержание) не остается у пролетарского критика в забвении.

Нам не нужно было бы так много говорить об этих прописных, азбучных истинах марксистского литературоведения, если бы в работе многих наших литературных кружков и даже в некоторых ассоциациях пролетарских писателей иногда не проявлялись преобладающие стремления щегольнуть формальными достижениями и новенькими «образами» за счет идеологической ценности.

Мы знаем не мало случаев, когда начинающие пролетарские писатели, увлекаясь формальными достижениями, незаметно скатывались в болото буржуазной и мелкобуржуазной идеологии и до настоящего времени барахтаются там, как живые трупы бесславно погибших пролетарских дарований ..

Разумеется, для художественного произведения пролетарского писателя еще очень и очень недостаточно одной идеологической выдержанности. Постоянная работа над стилем письма, над композиционным оформлением, над слогом и словом никогда не должна замедляться. Но эта работа обязательно должна быть подчинена четкому классовому мировоззрению пролетарского художника. Иначе получится ненужное и вредное для трудящихся художественное произведение, а вместе с этим и писатель будет каким угодно (буржуазным, мелкобуржуазным, мещанским и т. п.), но не пролетарским...

Михаила Кольчугина мы относим к молодым и талантливым пролетарским писателям.

Выходец из крестьянской семьи, чернорабочий и шахтер в прошлом—он из года в год заметно растет, оформляясь в большого художника.

Пишет он всегда только от том, что хорошо изучил, или о том, что ему знакомо, как родное, избегая надуманных и фальшивых явлений и обстоятельств.

В произведениях Кольчугина мы находим и шахтеров, и жел.-дор. рабочих, и разных мелких служащих, и разных советских ответственных работников, и много разных крестьян. Но что знает Кольчугин лучше всего, чему он отдает все свое внимание и силы и без чего не обходится у него ни один рассказ,—это ж е н щ и н ы!

Женщины—ахиллесова пята для Кольчугина. Во всех его произведениях женщина всегда играет или первую или одну из главных ролей. Мы не знаем ни одного произведения Кольчугина, где бы не было женщин или девушек.

Но хорошо ли это для пролетарского писателя? Нет ли в этом опасности для Кольчугина уйти в художественный «психологизм», закопаться в любовных «выкрутасах»? Не грозит ли это Кольчугину отрывом от пролетарской идеологии?

Думаем, что нет! Да и сами кольчугинские женщины, если мы к ним подойдем поближе, подтвердят то же самое.

Женщин Кольчугина можно распределить примерно, по трем категориям:

Женщины мелкобуржуазного и кулацкого мировоззрения.

Женщины новые, но слабые, не способные бороться за новую трудовую жизнь (преимущественно беднячки и батрачки).

Те же беднячки и батрачки—крестьянки, но сильные и упорные, смело пробивающиеся к коллективному труду, к социалистическому строительству.

По повести «Угольные люди» жена штейгера (бывшего хозяина рудника) Нина Матвеевна не брезгует мелкими взятками от крестьян, желающих поступить на работу на рудник ее мужа.

«Через нее легко: полотенчик там, куреночка, ветчинки... И луговские и неструевские так устраивались»...

Кольчугин про Нину Матвеевну говорит вскользь, мимоходом. Жена штейгера—из мелкобуржуазной среды, которую Кольчугин мало знает, поэтому он и не показывает нам Нину Матвеевну во всем блеске ее мелкобуржуазного нравственного ничтожества.

Другое дело Степанида — жена мельника (по этой же повести). Тут уж Кольчугин не жалеет красок, подает Степаниду такой, что лучше и не сделать.

Вот уж, действительно, где бьет ключем настоящая кулацкая, захватническая «душонка», со звериными, кровожадными инстинктами! Она ради личного благополучия способна на любую подлость и преступление. Это она вместе со штейгеровским лакеем толкает на самоубийство батрачку Катюшу (опозорив ее пьяницей Сергеевым), и только по одному подозрению, что Катюша, может быть, рассказала что-то про нее плохое!

Что, кроме презрения к себе, может еще вызвать такая женщина?!. И Кольчугин бьет верно: Степанида агитирует против сотен и тысяч таких же кулацких Степанид.

К этой же первой категории нужно отнести и жену лесничего—Марфу Никитичну, требующую, чтобы он брал взятки (из рассказа «Супруги Сиборцевы»), и Матрешку, скрывающую уголовное дело (из рассказа «Лесные встречи») и даже казачку Дину, обобравшую рабочего (из рассказа «Счастливый путь»). Все это ягоды одного и того же мелкобуржуазного поля!

Дружеский шарж.

А. Лесного.

М. КОЛЬЧУГИН.

И не плохо, что они поданы такими, как есть, такими, как могут быть: врага всегда легче бить, зная его слабые стороны.

По 2-й категории первой идет батрачка Катюша (из повести «Угольные люди»). Она после того, как ее изнасиловал пьяница и мерзавец Сергеев, покончила самоубийством. У бедной девушки нехватило силы выдержать налет негодяя и привлечь его к суду для ответа, а вместе с ним и мельничиху Степаниду, свою хозяйку, подкупившую Сергеева на преступление.

Не выдержала и Поля (из рассказа «Жизнь горемычная»). И у нее не оказалось смелости и достаточной силы воли, чтобы дать отпор негодяю заведывающему столовой, Егору Тимофеевичу, требовавшему сожительства с ним.

И Катюша и Поля вызывают у читателя ненависть к негодяям и к эксплоататорам, а это и должен делать пролетарский писатель, вооружая трудящиеся массы на борьбу против представителей догнивающего буржуазного и мелкобуржуазного мира.

Но Кольчугин не ограничивается этим. Он дает в своих произведениях и настоящих, новых женщин (это 3-я категория его женщин по нашей номенклатуре).

Вот уборщица Алена (из рассказа «Шахты зовут»). Эту не сломаешь, не купишь и не согнешь! Она отталкивает заведывающего рудником, отказывается

О ЖУРНАЛЕ „МОЛОТ“ №№ 2 и 3—1930 г. Февраль, март.

(Отзыв литературной консультации российской ассоциации пролетарских писателей).

В ЖУРНАЛЕ «Молот» печатаются очерки, рассказы, стихи. Тематика — злободневно - политическая, современная (ударничество, колхозы и др.). «Молот» 1930 г. мало похож на «Молот» полтора года тому назад. Однако, надо со всей резкостью поставить вопрос об очень низком художественном уровне печатаемого материала. «Зинкино дело», «Коммуна производства»—Стрекопытова, «Мускулы и мысли», «Преступление»—Кузнецова,—написаны очень схематично, слабо, бледно. В особенности «Коммуна производства» и «Мускулы и мысли» страдают бессюжетием. В этих очерках дан ряд фактов, мыслей, много громких слов. Отсутствует динамика повествования.

Очерк,—думают товарищи,—должен быть бессюжетен. Да, в том смысле, что в нем не будет любовно-приключенческой интриги. Но сюжет очерка должно составлять движение, развитие идеи. Этого, к сожалению, нет. В «Зинкином деле» и «Преступлении» даны какие-то «кающиеся пролетарии», совершающие покушение на своих передовиков-товарищей, а потом раскаивающиеся в содеянном. «Раскаяние» дано в обоих случаях очень неубедительно, внешне. Не показаны конкретно те общественные условия, которые толкают людей на новый путь. Штампы эпитетов, сравнений бесконечны—«время летело незаметно», «радостная улыбка», «мир, как огромная книга», и т. д. Есть ряд безграмотных фраз: «часы пробили одиннадцать ударов», «по нескольку раз удесятерили дело». Литературнее было бы сказать: «часы пробили»; надо сказать: «в несколько раз удесятерили дело» и т. д.

Быт у тов. Кузнецова показан конкретно, фабричная же общественность показана ничего не говорящими словами. Особенно ярко это можно увидеть в следующем отрывке: «Там, посмотришь, перестройка жизни, шум заводских собраний, бодрые голоса, смех... комсомол, актив, партия... А тут она: глаза, черные брови и слова».

Отсутствием конкретности и обилием красивых фраз страдают «Борцы за социализм» Костина, где только сказано о перерождении парня в Кр. армии, но не приведено ни одного факта, который заставил его переродиться.

В очерке Безымянного «Новь» совершенно ни к чему притянута «природа». Те «ужасно красивые» описания, которые он дает в начале каждой главы, ни на иоту не помогают уяснению сути, настроения, содержания, идеи рассказа. Это—просто узорчатый орнамент, который следует выбросить. И опять—«рельсы социализма», «буйная молодость», «задорный смех», «звончатые голоса»,—показывают нежелание поработать над выработкой своего взгляда на вещи. Безымянный пользуется допотопным словесно-изобразительным инвентарем, описывая деревню, ломающую допотопные формы хозяйства. Получается несоответствие.

Вешняк для того, чтобы скомпрометировать религию, компрометирует попа—проповедника, показывая его шкурничество. Это—не борьба с религией Вместо разоблачения ее классовой сущности Вешняк «разоблачает» личность попа. Здесь уже, значит недостаток идеологического порядка, свидетельствующий о слабой теоретической подготовке тов. Вешняка.

«Три доллара» Валдайского — просто сантиментальный рассказ о бедном и хорошем Чао-Ли, которого убил злой Гарвей. Валдайский подчеркивает жалость к убитому, но классовой активности, направленности в рассказе нет. Точно такую же вещь мог написать любой «свободомыслящий» мелкий буржуа Запада.

Из прозы «Молота» лучше других очерк «Смерть колхозника Мишки» Лукьяненко. Но и он, конечно, сколько-либо значительной художественной ценности не представляет.

Стихи несколько лучше прозы. Следует отметить «Мостовую» Сачкова. В стихотворении, как положительный факт, налицо движение идеи, очень редкие, реалистические средства изображения («косые флаги», «слоистый дым баррикад»).

Слабее володинские «Керенский» и «Стройка». В первом из этих стихотворений — штампованные сравнения — («рвался флаг окровавленной птицей»; неграмотность—«Вы же тем временем модно одет» (надо сказать «одеты»). Но тов. Володин идет по правильному пути в смысле выбора темы, ударное стихотворение о стройке. Это надо приветствовать. Стих Ватажина «Террор» очень примитивен по сюжету, повторяет общие места. События развиваются по принципу сплошной неожиданности («вдруг на вызов колхозный лагерь»...). По своим изобразительным средствам стихотворение оставляет желать много лучшего (напр., такой искусственно-надуманный образ: «ворочался мозг, как в собачьей шерсти блоха»).

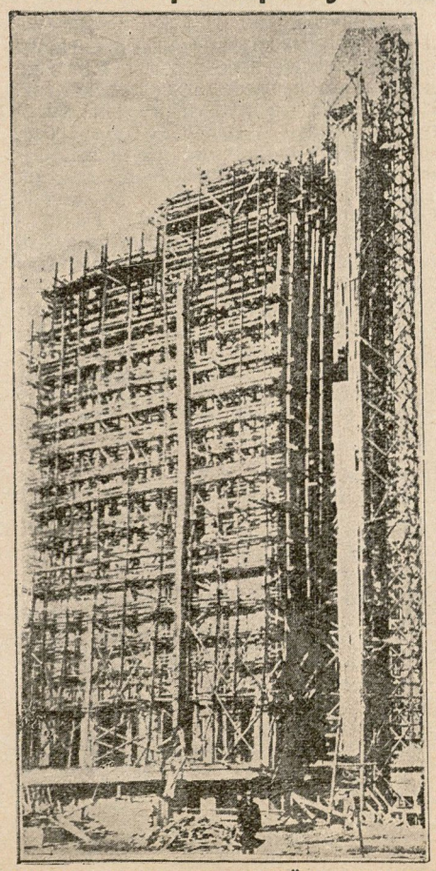
Как итог, в результате обзора двух №№ «Молота» надо высказать следующее:

Тульская ассоциация еще не сумела направить свою работу в сторону серьезной теоретической и литературной учебы. Продукция апповцев очень поверхностна, в художественном отношении, в подавляющем большинстве случаев малоценна.

Живой творческой мысли в «Молоте» пока не чувствуется.

Литконсультация РАПП.

Леса строек растут

Керчь. Метталургич. з-д им. Войкова. 1. Угольная башня новых коксовых печей. Высота башни—50 метров.

от его денег, бросает легкую работу уборщицы и уходит на тяжелую рудничную работу, чтобы трудиться и быть свободной и независимой.

Не продает на деньги и не меняет своих убеждений и беднячка-комсомолка Апроська. Она даже любовь свою приносит в жертву своим убеждениям (рассказ «На пашне»). Она отказывается венчаться в церкви с сыном богатого крестьянина, несмотря на взаимную любовь. Она ставит своему жениху невозможные условия, заявляя, что выйдет замуж только за комсомольца или или партийного и в церкви венчаться никогда не будет. Это—настоящая новая девушка, и Кольчугин показывает ее такой простой, сильной и крепкой, как она есть. Разве мало у нас по деревням и селам таких Апросек, ведущих борьбу за колхозы, за коллективизацию деревни? Они не сдадутся, их не сломать!..

Ну, а вот работница - общественница Наташка (рассказ «Пути через болото»—один из лучших рассказов). Она бедна, как сумка нищего, но она не гонится за личным счастьем. Она работает в ремонте на жел. дороге, ведет общественную работу, как делегатка, и помогает рабкору бороться с самогонщиками и ж.-д. вредителями. Никакая нужда и никакое горе ее не сломят; она умеет постоять и за себя и за товарищей. Это полностью наша новая женщина—строительница социализма.

Иван Злой.

МАЯКОВСКИЙ-САТИРИК.

«Слоны в комсомоле»—стр. 96, «Мол. Гв.» 1929 г., ц. 1 р. 20 к.
«Без доклада не входить!» — стр. 112. ГИЗ, 1930 г., ц. 1 р. 75 к.

Рабочего
Громады класса враг—
Он враг и мой,
от'явленный и давний...
В. Маяковский.

Об обеих книжках надо писать сразу, хотя они и вышли не в одно время. Сразу потому, что и ту, и другую об'единяет одна идея: разоблачение «конкретных носителей зла», мешающих социалистической стройке, беспощадная борьба с наследством старого мира: мразью, гнилью, пошлостью, обывательским индивидуализмом.

В этих книжках встает во весь рост Маяковский последних лет—революционный поэт-публицист, упорно и последовательно ненавидящий многоликого классового врага и его вольных и невольных пособников, мастер тонкой сатиры, умело пользующийся ее отточенным жалом и поражающий врага со всею страстностью и темпераментностью, свойственными ему.

Не раз Маяковский повторял, что свое призвание поэта он видит только в безоговорочном служении революции, рабочему классу, партии. Наиболее отчетливо Маяковский выразил это в следующих словах:

«Поэт—тот, кто в нашей обостренной классовой борьбе отдает свое перо в арсенал вооружения пролетариата, который не гнушается никакой черной работой, никакой темой о революции, о строительстве»...

И поэтому Маяковский, не в пример многим нашим поэтам и писателям, не боялся «агиток», смело брался за любую тему о революции, как бы мелка и будничная эта тема на первый взгляд ни казалась. Он никогда не отворачивался презрительно от газетного листа, а, наоборот, умел его использовывать для действенной и впечатляющей агитации. Любой факт, любое событие, представляющие общественное значение, находили отзвук у его «лиры».

Подавляющее большинство разбираемых книжек и есть такого рода «агитки». Вот сборник «Слоны в комсомоле». О чем его стихи? О пьянстве («Бей белых и зеленых!»), об антисемитизме («Жид»), о проблеме активности в комсомоле («Фабрика мертвых душ», «Нагрузка по макушку»), о грязи и неряшливости («Кто он?»), о 1-м мая («Солнечный флаг»), о задачах обороны страны («Марш обороны», «Лозунги-рифмы») и т. д.

Да, это «агитки», но это не «однодневки», которые можно прочесть и забыть. Маяковский тщательно отделывал каждое стихотворение, и поэтому любое из них—прежде всего художественное произведение, почти безупречное по форме, злободневное и глубокое по содержанию. Маяковский хорошо знал, что, ставя свою поэзию на

Обложка последней книжки Маяковского.

службу политическим задачам сегодняшнего дня, он не снижает искусство, а, наоборот, поднимает его общественное значение. Лучшее доказательство этого —разбираемая книжка.

Второй сборник: «Без доклада не входить!»—тематически однороден. Он представляет собой целую, тщательно подобранную, картинную галлерею тех, с кем изо-дня в день мы ведем упорную и беспощадную борьбу. Бюрократ, чиновник, подхалим, примиренец, обыватель, советский помпадур, литхалтурщик разоблачены здесь до конца. Острием сатиры вскрыты их типичные черты и облики. Книжка насквозь злободневна, но это не мешает ей быть образцовой в художественном отношении. Беспощадный сатирический талант Маяковского нашел в ней предельное выражение. Отдельные определения, образы, словечки просятся на плакаты. Некоторые из них войдут в обиход, в разговорный язык. Вот некоторые:

Взгляд—
хоть на лыжах скользи!
(О бюрократе).
Зевс-опровержец.
(О чиновнике-«опровергателе»).
Мненье—
это не именье,
Потерять его
не страшно.
(О подхалиме).
Увязать бы
льва с ягненком,
с кошкой
мышь согласовать!
(О примиренце).
И носит
синюю
полощенную блузу,
Как министерский
раззолоченный сюртук.
(О парт-чиновнике).
Вымирающие сторожа
аннулированного учреждения.
(О попах).

Количество таких крылатых словечек и выражений можно при желании значительно увеличить. По существу любое стихотворение настолько ярко, так метко и крепко пригвождает к позорному столбу «конкретных носителей зла», что каждое из них следовало бы широко популяризовать. Особенно запоминаются: «Столп», «Сплетник», «Дражэ», «Любители затруднений», «Смена убеждений», «Галопщик по писателям».

Было бы глупо, прочитав «Без доклада не входить!», обвинять Маяковского в сгущении красок, в излишней заостренности. На это сам Маяковский отвечает в книжке:

Мы всех зовем,
чтоб в лоб,
а не пятясь,
Критика
дрянь
косила.
И это
лучшее из доказательств
Нашей
чистоты и силы!

Эти слова полезно запомнить критикам «с оглядкой», не в меру умеренным и трусливым.

Обе книжки оставляют бодрое и радостное впечатление, ибо они прежде всего «лучшее из доказательств нашей чистоты и силы». Велика их эмоциональная зарядка, зовущая еще злее и крепче бить по старью, гнили и тупости, с чем всю жизнь так отчаянно боролся живой Маяковский и «чего покойник ужасно не любил».

Книжки, наконец, являются лучшим опровержением выкриков апостолов штампа и поэтических ханжей о растрате поэтического таланта Маяковского. Стихи, собранные в разбираемых сборниках, достаточно ясно доказывают глубокое и подлинное мастерство поэта.

На этих книжках любителям «высокой поэзии» и литхалтурщикам, пекущим буквально в полчаса «агит-стишки» на любой случай, надо поучиться уменью сочетать в стихах величайшую политическую заостренность с художественной выразительностью. Хуторянины, Ясные, Митрейкины, а также «надземные» поэты из «Перевала», слышите?..

В заключение надо пожелать нашим издательствам как можно скорее издать избранного Маяковского для массового читателя, куда, несомненно, войдут почти целиком разбираемые сборники. Цена же их явно недоступна для рабочего и крестьянина. А, ведь, писал Маяковский прежде всего для них!

Об этом забыли и ГИЗ, и «Молодая Гвардия», издавшие книжки!

Косогорский.

Книга, которую надо знать.

ДЛЯ дореволюционного читателя, выходца из либерально-помещичьей среды, книга была по большей части средством отдохновения: хорошо после сытного обеда поваляться на диване с романом в руках и снисходительно пожалеть «меньшего брата—мужичка». Для пищеварения полезно, для души приятно...

Это соотношение между книгой и читателем Салтыков-Щедрин заклеймил презрительно и зло:

— Писатель пописывает, а читатель почитывает!

У нас о такой разобщенности между литературой и обществом не может быть и речи. Миллионы рабочих и крестьян, после октября вплотную подошедшие к книге, видят в ней, прежде всего, оружие борьбы, мощное средство организации масс и воспитания их в духе коммунизма. В нашу эпоху социалистического строительства художественная литература имеет в значительной степени утилитарное значение. Выражаясь языком Плеханова, мы стремимся любое художественное произведение «перевести с языка искусства на язык социологии».

Именно этим об'ясняется и тот факт, что рабоче-крестьянский читатель не хочет быть только пассивным ребенком, покорно проглатывающим любую пищу, из чего бы она ни состояла и как бы она ни влияла на его желудок. Наш читатель хочет быть в самом тесном общении с советским писателем, воздействовать на него, критиковать его, делиться с ним радостью и негодованием по поводу того или иного литературного произведения, в зависимости от того, облегчает или затрудняет это произведение для читателя процесс его классового самоосознавания.

Мы имеем сейчас, кроме официальной критики, сотни тысяч критиков-читателей: крестьян, батраков, рабфаковцев, рабочих, комсомольцев. Это они забрасывают авторов и редакции множеством писем и запросов, это они выступают на литвечерах и диспутах, желая помочь писателю, рассказывая о том, что желали бы они видеть в его книгах, властно выдвигая свой «социальный заказ».

Не прислушиваться к этому голосу читателя-критика нельзя.

Надо приветствовать также всякую попытку связно рассказать о читательских вкусах, запросах, настроениях. Это помогает пролетарскому и крестьянскому писателю не отрываться от того класса, которому он служит и для которого работает. Это, наконец, помогает нам верно и точно взвесить социальную значимость и ценность того или иного произведения, писателя, направления на весах читательской оценки.

И в этом деле недавно вышедшей книге А. М. Топорова «Крестьяне о писателях» (опыт, методика и образцы крестьянской критики современной художественной литературы) бесспорно должно принадлежать одно из первых мест.

А. М. Топоров — учитель коммуны «Майское Утро», находящейся в Барнаульском округе (Сибирь), с 1921 года, в течение 9-ти лет, ведет почти ежедневно чтение и разбор художественной литературы с крестьянами-коммунарами. После чтений происходит горячий обмен мнений. Выступают коммунары, давая оценку произведению. Каждое выступление почти стенографически записывается Топоровым. В результате мы имеем книгу, в которой тщательно собраны подлинные высказывания крестьян о литературе, высказывания, не искаженные обработкой, включившие в себя тысячи великолепных по меткости и красочности определений, крылатых словечек и оборотов, которыми так богат, неиспорченный «литературничаньем» и канцелярской штамповкой, настоящий русский народный язык.

Работа т. Топорова, помимо общего значения, ценна еще и тем, что в ней (едва ли не впервые!) дано ясное представление о вкусах и запросах такой мало изученной читательской категории, как крестьянство. Впервые в критической литературе сделана попытка предоставить слово самому читателю-крестьянину.

Вместе с этим, книга т. Топорова свидетельствует о победоносном шествии культурной революции, проникающей в самые глухие и отдаленные уголки советской страны, заставляющей отступать вековой «идиотизм деревенской жизни». Где и когда, кроме Советского Союза, возможно еще такое массовое приобщение трудящихся к художественной литературе? И разве это приобщение не показатель нашего колоссального культурного роста?

И, наконец, материалы Топорова перевертывают ходячие представления о художественных вкусах крестьянства. Огромный культурный рост, социальная и художественная чуткость—вот как характеризуют советское крестьянство изучаемые материалы.

В разбираемую книгу вошла лишь незначительная часть высказываний крестьян, касающаяся только советских писателей. Остальная часть еще ждет опубликования (газетные и журнальные статьи т. Топорова не в счет). Книге предпосланы статьи Гоффеншефера и самого Топорова, рассказывающие о содержании, методике и значении проводимой работы, а также очерк Аграновского — непосредственные наблюдения за жизнью коммуны и работой Топорова. Все это еще более увеличивает ценность книги.

Что же говорят крестьяне о нашей художественной литературе?

Прежде всего, поражает здоровое классовое чутье, присущее большинству коммунаров при их оценке литературных произведений. Очень часто, не хуже подкованных критиков, крестьяне беспощадно обрывают с произведения фальшивую мишуру, смывают внешние краски, и, смотришь, вскрыта подлинная, социальная направленность произведения! Прочитайте в доказательство отзывы о таких писателях, как Бабель, В. Иванов, Сейфуллина («Виринея», «Ноев ковчег») и др., и наоборот: подлинно крестьянские и пролетарские писатели встречают у коммунаров восторженную оценку.

Вот, например, творчество Есенина. Дав прекрасный отзыв о «Песне о великом походе», коммунары резко отрицательно отнеслись к его стихам раннего периода (любование «Русью уходящей») и периода «Москвы кабацкой», а стихотворения Безыменского («Партбилет»), Молчанова («Побеждает? Победит!»), Уткина («Двадцатый») были выслушаны с волнением и получили самые прекрасные отзывы. Такие же отзывы встретили писатели: Ляшко («В разлом»), Неверов («Ташкент — город хлебный»), Подьячев («По этапу»), Либединский («Неделя»), Горький (все прочитанные вещи) и др.

Поражает также и та удивительная художественная чуткость, которую проявляют крестьяне в своих оценках. Очень быстро и верно умеют они отличить высоко художественные произведения от второсортных или прямой макулатуры, будь это произведение даже очень далеким от деревни по своей тематике, настроениям и художественной трактовке. Сумели же коммунары отметить высокую художественность таких социально и тематически далеких от них писателей, как Блок, Фет, Мольер!

Высказывания крестьян о советской литературе—предостережение многим и многим нашим писателям, поэтам и критикам, если только они хотят, чтобы деревня их знала, читала и любила.

Резкую оценку встречали у аудитории произведения таких поэтов, как Хлебников, Сельвинский, Пастернак, Белый и им подражающие. На разборах «заумных» сочинений крестьяне говорили Топорову:

— Пиши советскому правительству от нашего лица: замулевать эти сочинения к чортовой матери, чтоб они не гадили нашу литературу, чтобы из-за них не падало пятно на всю Советскую Россию.

Крепко сказано!

Во всяком случае, многие оценки надо учесть нашим писателям, критикам, издательствам и книгораспространительским организациям, продвигающим книгу в деревню.

Конечно, нельзя подходить ко всем отзывам некритически. Нельзя забывать, что в роли критиков выступают крестьяне, не особенно искушенные в вопросах литературы, не владеющие оружием марксистского анализа, руководствующиеся, обычно, только своим общественным чутьем, поэтому нередко ошибающиеся. Эта оговорка необходима. И, тем не менее, отзывы, кроме бесспорного общего интереса, который они представляют, в основном довольно правильно определяют социальную и художественную ценность произведений.

Хочется еще остановиться на методе работы т. Топорова. На наш взгляд, этот метод представляется очень спорным. В самом деле: т. Топоров является только пассивным регистратором мнений и отзывов крестьян, добросовестно их собирает и изучает. По словам самого т. Топорова, метод его — «строжайшее беспристрастие».

Книгу т. Топорова можно и нужно широко рекомендовать не только писателям и критикам, а и библиотекарям, культурникам и всем, интересующимся литературой и социалистическим формированием советской деревни. Каждый найдет в ней интересный и полезный для своей работы материал.

И еще одно замечание: почему у нас до сих пор так мало начинаний, подобных тому, о котором написана книга Топорова? Почему никто не займется всерьез подобной работой с нашими рабочими? Ведь, результаты ее дали бы еще более ценный материал. Наши культурники, библиотеки, литкружки должны всерьез заняться дифференцированным изучением читателя (в первую очередь—рабочего). Может быть, такая работа уже кой-где и начата, но почему же тогда о ней так мало слышно, так мало написано?

Мих. Мосолов.

3070

Хроника ТАПП.

Кто над чем работает.

В. Старцев работает над повестью «Косая вершина». Повесть на фоне строительства завода отображает борьбу за социалистическое строительство.

Стержнем повести является столкновение новой, растущей технической интеллигенции со старой, преодоление и переработка ее.

Сергей Володин закончил книгу стихов: «Крушение эпохи».

Ф. Кузнецов работает над автобиографической повестью «Мой путь», которая отображает жизнь и быт рабочего класса до революции и после революции, заканчивает рассказ «Маленький человек с большими мыслями» из современного быта рабочих.

М. Кольчугин работает над повестью «Могила в горах»—из крестьянской жизни и рядом других рассказов.

Г. Неклюдов выпустил книжку—пьесу из крестьянской жизни «Село Самокурово». Работает над новой пьесой.

Я. Лукьяненко работает над романом «Перелом» из партийной жизни.

Общество крестьянских писателей в Туле.

В Туле организуется отделение Московского областного общества крестьянских писателей.

Инициативная группа, возглавляемая тов. Я. Лукьяненко, обращается ко всем крестьянским писателям округа и ко всем селькорам, работающим над рассказами, очерками и стихами и желающим вступить в ОКП, подать об этом заявление инициативной группе.

Первая тульская конференция ОКП будет созвана в сентябре 1930 г.

Выставка ТАПП.

В красном уголке секции раб. печати и ТАПП (при редакции газ. «Коммунар») открыта выставка творческих работ ТАПП.

На выставке представлены все работы членов ТАПП, ее кружков и отделений.

Отдельные картограммы и щиты показывают творческий рост членов ТАПП.

Отвечаем начинающим писателям.

Н. Старикову, Богородицк.—Ваше стихотворение „Наступление весны“ не совсем удачно. Ни одного нового образа, ни одного нового эпитета; стихотв. шаблонно. Вы пишите:

И идет душистая весна под венец.

В дальнейшем надо избегать подобных выражений, ибо это не совсем ясно. Если хотите писать, то надо больше работать над стихами и больше читать современных поэтов.

В. Королеву, дер. Куруловка.—Ваше стихотв. „Прилет грачей“ совершенно не оставляет никакого впечатления.

Просто зарисовка пейзажей весны, о чем так много писали старые поэты; вы же нового ничего не даете. Масса избитых выражений:

„Вот уже грачи прилетели“.
„В лицо пахнуло весной“.

В дальнейшем стремитесь отходить от этого. Попытайтесь давать свое, новое.

Ар—ий, Тула.—Присланные стихи «О боге» и «Ручеек» не совсем удачны.

Вы пишите:

Словно зеркало какое,
Ручеек сверкает.
Его сердце молодое
Весело играет.

По форме это чрезвычайно старо, напоминает Кольцова, притом образ «словно зеркало сверкает» слишком избитый, образ «его сердце молодое» не совсем точен. Над стихами надо больше работать, стремиться давать свое.

П. Борисову, Тула.—Стихотвор. «Ревут гудки» написано слишком плакатно, ничего нового в нем вы не даете. Такие стихи никакой соц. стройки и силы рабочего класса не показывают.

Вам необходимо больше читать пролетарских поэтов.

А. Новиковой, Тула. — Присланное стихотв. «Пурга на севере» написано очень слабо. Писать стихи можно только после долгой и упорной учебы и чтения художественной литературы.

У вас этой подготовки нет. Советуем прочитать Малахова «Как строится стихотворение».

П. Б—ву, Тула.—Стихотв. бывает хорошим тогда, когда оно оставляет определенное впечатление у читателя. Ваше стихотвор. «Турксиб» написано слишком поверхностно; кроме восторга, в нем ценного ничего нет. Писать о достижениях не значит кричать сплошное «ура»; наоборот, надо вдумчивей и глубже прорабатывать подобные темы.

В. Чекалину, Тула.—В стихотв. «Жизнь рабочего в стране капитала» вы реальной жизни иностранного рабочего не показываете. У вас получилось это слишком наивно, не чувствуется ненависти к капиталистам.

В дальнейшем берите темы для стихов из жизни, более близкой вам. Старайтесь писать меньше, больше работайте.

В. К—ову, Тула.—В поэме «Пятилетка» кроме общих фраз и лозунгов, вы ничего не даете. Она не показывает доподлинного, реального роста социалистической стройки. «Пятилетка»—тема чрезвычайно сложная и довольно серьезная. Справиться с большой вещью можно лишь тогда, когда автор хорошо владеет художественным словом.

С. Чистозвонову, Богородицк.—Стихотв. «На смерть Маяковского» написано удачно. У вас во многих местах отсутствуют рифмы, вы употребляете массу чрезвычайно избитых эпитетов, отчего художественная ценность стиха снижается. Все это говорит за то, что вам надо больше работать над своим поэтическим словарем.

Т. Саутину, Погорелое, Белевск. уезда.—В ваших стихах явно заметны пессимистические настроения:

Я умру, но останутся дети.
Я оставлю их с этой судьбой.
Неужель не добьемся на свете
Себе воли, народ трудовой?

Подобные настроения чужды пролетариату и трудовому крестьянству, завоевавшим власть и строящим свою социалистическую жизнь.

Нам нужны бодрые стихи, отражающие наше соц. строительство, преодолевающее трудности и недостатки. Вы должны перебороть эти настроения и перейти на более близкие и нужные нашему времени темы.

Подписывайтесь на журналы:

„Молот“,
„Октябрь“,
„На литпосту“,
„Рост“.

Вербуйте подписчиков среди ваших товарищей!

Читайте журналы пролетарской литературы!

Издатель газета „Коммунар“. Редакционная коллегия: А. Ярцев, В. Старцев, С. Володин.

Тулокрлит 707. Типография Тулпечати. Тула, Коммунаров, 42. Заказ № 4632. Тираж 2000 экз.